

Искра в аметисте

Оксана Глинина

16+

Миры Энике

Оксана Глинина

Искра в аметисте

«Автор»

2020

Глинина О.

Искра в аметисте / О. Глинина — «Автор», 2020 — (Миры Энике)

Приняв участие в отборе невест для короля, Гинтаре Браггитас угодила в ловушку из хитросплетений заговоров и интриг. Цена оказалась слишком высока – потеря дорогого человека. Теперь придется собирать осколки разбитого сердца, залечивать раны от ожогов первой любви и избежать вынужденного замужества. Но Гинтаре не тратит время на уныние, слишком многое предстоит выяснить и свершить, а самое главное – обрести свое счастье с возлюбленным.

© Глинина О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Оксана Глинина

Искра в аметисте

ПРОЛОГ

Её долго вели по каким-то невероятно длинным коридорам с холодными заплесневелыми стенами, посеребрившими и пузырившимися остатками кусков штукатурки от обосновавшихся здесь грибка и влаги. Девушка была искренне уверена, что всё, что сейчас происходит – страшная ошибка, сейчас явится отец и обязательно её заберет. Батюшка любил розыгрыши, по их части он был мастак. Но время шло, её заперли в какой-то промозглой келье, где даже летом было холодно и сыро.

И никто за ней так и не пришел.

Лето...

Лето? Чего греха таить, она не выходила на свежий воздух с момента, как её впервые сюда привели, поэтому невозможно было выяснить, какая сейчас пора года, какое время дня. В келью приносили еду три раза в день. Первое время, девушка в отчаянии пыталась закатывать истерики, швыряла миски с кашей в стену и дверь, но ничего не менялось. Даже новой порции, взамен испорченной, никто не приносил, отчего она, преодолевая брезгливость, начинала подбедать остатки из разбитых черепков прямо с пола.

При всем при этом, она хорошо помнила, кто она есть на самом деле. И поэтому, понимала, что пала жертвою интриг того, за кого еще совсем недавно собиралась замуж, кто получил ее приданое, а саму – отправил сюда.

Предательство. Обман. С ней очень жестоко обошлись. В памяти вереницей стали пролетать образы, но самый главный никак не хотел покидать ее воспоминания. Королевский трон, весь сплошь покрытый красными, словно кровь, камнями, а на нем восседает юноша непостижимой красоты. Он улыбается ей... ну конечно же, это ведь ее жених, в руках у него корона, сейчас она приблизится, а он ее благословит, коронует...

Но неожиданно царевич изменился в лице.

– Ты хочешь корону? – он нагибается к ней, будто заглядывает в глубокий колодец, в который ей не посчастливилось угодить.

Девушка закивала в ответ. О! Корона была воистину желанной наградой за все мучения.

– Но мне некуда её тебе надеть, – расстроенно смотрел на девушку принц, – видишь ли, у тебя нет головы. А без головы корону никто не носит.

– Но как ты думаешь, ей корона подойдет? – в руках у него оказалась голова.

О, Боги! Это ведь её лицо смотрит закатившимися глазами прямо из окровавленных рук принца!..

– А-а-а!!!

Крики разносились по всему подземелью. Смотритель и стража сбежались к келье, где уже четверть часа длилась сия вакханалия.

– Что происходит?! – недовольно поинтересовалась главная смотрительница матушка Катук.

– Да вот – орет, не переставая, – хмуро ответил один из сторожей, – может её того...

– Ты ещё поговори у меня! – матушка Катук была не дура, чтобы понять – буйная девица имела весьма неординарное происхождение. Правда, кем именно являлась сумасшедшая, выяснить так и не удалось, но платили за неё исправно и слишком хорошо, чтобы отказываться от столь лакомого куска дохода. Только вот, девка становилась всё более и более дур-

ной да неуправляемой. Может потому так хорошо и платили, заглаживая все сопутствующие неприятности и беспокойства, что наносили ежедневные выходки блаженной.

Выбора нет, придется использовать эльфийскую пыль. Иначе они все тут сойдут с ума. Наверху тоже были больные, которые слышали крики и сами начинали волноваться.

– Эй, ты! – подозвала матушка Катук, молчаливого тощего парня, который работал у неё на побегушках. Женщина протянула ему ключ со словами:

– Сам знаешь, где искать. И побыстрее!

Юноша стремительно покинул коридор, отправляясь за горстью спокойствия для матушки и ее подчиненных.

В покоях матушки Катук, на первый взгляд аскетичных и невзрачных, при желании, можно было найти много всего интересного. За долгие годы управления домом душевной скорби, она получила столько подарков, что никому и не снилось. Многие аристократы от высших до низших Домов, состоятельные граждане готовы были платить любые деньги за сохранность своих тайн, а тайн у них имелось очень много.

Да и сама матушка Катук была не так проста, как казалось на первый взгляд. К примеру, Кристо – юный смотритель – знал точно, что являлся её сыном. Но об этом она не любила вспоминать. Хорошо уже то, что она не бросила его на произвол судьбы, взяла под свое крыло и заботилась о нем, как умела или считала нужным. Именно Кристо, матушка доверяла свои ключи от покоев, и никому другому. Знала точно – мальчишка никогда не растреплется о её сокровищах, не притронется к запасу отборного южного вина, и уж тем более не коснётся шкатулки с эльфийской пылью. Не знала хозяйка дома скорби одного – её нежеланному сыну было известно гораздо больше тех секретов, что таились в её сундуках. К примеру, под полом она прятала дагендоллские деньги и верительные грамоты – понимала, что когда-нибудь ее власть здесь закончится, поэтому надо было вовремя унести ноги, прихватив все самое ценное. Вот только, вместо сына, Катук хотела с собой прихватить своего молодого любовника – старая стерва. Ничего, Кристофу уже давно не в тягость было чувствовать матушкино безразличие, он тоже вполне мог о себе позаботиться.

Натянув рукава подлиннее, скрывая предплечья, парень вскрыл одну из половиц возле небольшой кровати матушки, достал оттуда резной ларец, оплетённый бронзовыми змеями, и отправился обратно в подвальные помещения.

– Чего так долго? – проворчала пожилая женщина, которой, к этому времени, визг сумасшедшей изрядно вывел из себя.

– Не сразу вспомнил, что эту дрянь надобно развести в вине, – флегматично отмахнулся юноша. Как же надоело изображать полного кретина перед этой самодовольной дурой.

– Болван! – матушка косо посмотрела Кристофа. – Иди, давай, и влей в эту стерву зелье, да поскорее!

– Почему я? – парень не на шутку обеспокоился. – Она умалишенная, а если накинется и покалечит меня? Один не пойду, пусть надрывается хоть до рассвета.

– Да чтоб тебя! – матушка Катук зло посмотрела на юношу, но даже не шелохнулся, затем перевела взгляд на помощников. – Не стойте столбами, олухи! Помогите ему!

– А чего сразу мы? – один из смотрителей, недовольно стал морщить толстое лицо из-за чего заплавшие глазки ещё больше стали похожи на пороссячьи.

– Вы здоровее его раза в три, поддержите девицу, пока он вольт в неё пойло. К тому же это ваша работа! Хотите лишиться пайки?

Последний аргумент оказался самым убедительным, и все трое – мальчишка и два старших смотрителя направились в, тонущую в вое, камору.

«Надо будет из её родственничков вытрясти побольше золотых монет, – думала про себя матушка Катук, – уж больно девка проблемная! Так и извести весь порошок недолго, а он нынче не дешево стоит».

С этими мыслями женщина отправилась в свои покои – стоило проверить после мальчишки все тайники, а то слишком она доверилась этому сопляку в последнее время, с него станется.

А Кристоф отчётливо понял, что всё гораздо сложнее, чем он ожидал. Девка оказалась не просто буйной – в неё будто тысяча ёдасов вселилось с их необузданностью и силой.

Не успели они втроем войти в келью, как толстяку прилетело стулом в голову, а на здоровяка она накинулась с таким неистовством, пустив в ход зубы и ногти, что тот еле отбился, с разодранным лицом он со всех ног кинулся бежать вон.

– Да ладно... – в ужасе только и смог выдавил из себя парень. Он прислонился спиной к стене, а кувшин с разбавленным вином в трясущихся руках Кристофа стал выплескивать содержимое. – Будь всё проклято...

– Я никому не позволю себя унижааать... – шипела дикая рахана, надвигаясь на юношу.

– Н-нет, – тот неистово замотал головой, – я-я принес попить!

– Корона моя! – неожиданно выдала сумасшедшая, махнув рукой, будто выхватывая из воздуха, что-то только ей одной видимое. – Слышишь, моя! Я... буду королевой...я!

– Д-да! Д-да, будете! – со страху ноги перестали держать Кристофа, тело медленно сползло по стене на грязный пол.

Что такое? Не мог он никак понять, почему силы так стремительно его покидают, пока не увидел шевелящиеся тёмные ремни, то тающие сажевыми облачками в воздухе, то изгибающиеся по полу в неведомой агонии, но точно выползающих, как из гадючьей норы, из-под ног убогой. Было ли это мороком или глаза обманывали его в темноте кельи, но, запуганный Кристоф, мог это списать на разыгравшееся от страха воображение. Однако, странные дымчатые змеи поднимались все выше и выше, облизывая полотняную робу девицы, от чего та начинала тлеть и осыпаться.

– Вот йодас тебя задери! – в ужасе простонал несчастный, когда понял, что перед ним такое. В матушкиной, пусть и не самой богатой, библиотеке находилась-таки, время от времени, будоражащие разум манускрипты по черному колдовству и запретным ритуалам. Из них, по всему выходило – это если верить – что в тех письменах написано было, будто в девках одержимых иногда открывался нечестивый дар, дающий страшное могущество. Перед Кристофом сейчас стояла самая настоящая некромантка с даром смерти, и готовилась, наверное, его убить, как одного из своих обидчиков.

– Я... – Кристоф упал на колени перед надвигающейся на него сумасшедшей, охваченной черными языками пламени, и заорал, что было сил:

– Помилуй... м-моя королева! – с этими словами юноша припал лбом к полу. В этот момент ему отчаянно хотелось жить, а не быть съеденным заживо черным пламенем.

Кажется, это возымело действие, и она остановилась.

– Где... моя корона?

– Н-не знаю, – простонал парень, понимая, что живым он выберется только в случае чуда. Черный дым поднимался все выше и выше, разъедаая, сжигая робу.

– Хочу свою корону...

В этот момент пламя объяло девушку полностью.

– Я... королева!

– Да-да, моя государыня...

Глаза сумасшедшей осветились рубиновыми искрами, и в один миг всё вокруг накрыло чёрным огнем.

Матушка Катук так и не поняла, что произошло, но её опять вытащили из постели, едва она улеглась. Этот высоченный болван что-то болтал про девку и Кристофа, но ей изрядно это поднадоело – три мужика не могут справиться с какой-то девицей.

Идиоты!

Прихватив с собой окованную железом палку, для усмирения особо ретивых постояльцев, она почти спустилась в застенки, чтобы разобраться, наконец, со смутьянкой, когда тяжелые камни ступеней заплясали у неё под ногами, и весь мир рухнул куда-то вниз.

Глава 1

Она шла сквозь вихри снежных хлопьев, окутывающих со всех сторон хрупкую девичью фигуру, рыжие пряди развевались на ветру, смешиваясь со снегом, путаясь в клочья, а она все шла, не замечая вокруг себя бушующей стихии. Гинтаре среди метели была прекрасна. Майло даже залюбовался, если бы не пытался догнать, стремительно удаляющуюся, тень. Силился ее окликнуть, но голос почему-то не слушался, и вместо заветного имени, с губ сорвалось жалкое сипение. Девушку надо было предупредить о надвигающейся опасности, но лорд Вардас никак не мог ее остановить. Гинта уходила всё дальше, а ему дышать становилось все тяжелее, что приводило в смятение – у Майло никогда не было проблем с дыханием, по сути, вообще с выносливостью не было никаких бед. Пока Вардас не рассмотрел, что падающий снег и не снег вовсе – это серый пепел клубился перед глазами. А вокруг было душно, потому что за уходящей Гинтаре тянулся огненный след.

– Гинтаре... – сумел прошептать Майло, и тут она – о, чудо – услышала и обернулась.

Разочарование было ошеломляюще горьким – перед ним предстала вовсе не Гинта. Во всполохах огненной стихии стояла совсем другая...

– Рената?! – ошарашенно выдохнул Вардас.

Она расхохоталась. Отчего бы не высмеять идиота, так поведшегося на обман.

– Ты... – хотелось высказать этой мрази много чего, но голос опять его подвел.

А женщина посреди расплзающихся языков огня ласково пригладила свои растрепавшиеся змеиные пряди. Как он мог так обмануться?! Перепутать Ренату и Гинтаре. Они ведь совсем не похожи.

– И как тебе моё пламя? – женщина развела руками. – Разве оно не прекрасно? Хочешь коснуться?

Майло молчал. Он ни за что в жизни не хотел снова видеть неудавшуюся интриганку, ни, тем более, находиться с нею рядом.

– Что, боишься? – тем временем насмехалась Рената, теряя черты женственности, все больше и больше походя на рахану. – А её огня почти не боялся...

– Твое пламя фальшивое, – тихо произнес Майло, наблюдая за тем, как лицо у Ренаты вытянулось, натягивая пергаментного цвета пятнистую кожу, обнажая жёлтые зубы, – и такое же злое, как и ты сама. Да и нет у тебя ничего! Откуда быть живому огню у мертвой?

– Ах, ты... – пергаментная маска почернела и осыпалась хлопьями пепельных мотыльков, открывая оголенный серый череп, пальцы вытянулись, превратились в когти.

Рахана кинулась к Майло, который выставил перед собой руки и схватил Ренату за горло...

– Скоро... осталось совсем немного, – шипело истлевающее существо, – она возродится из пела смерти...

– Да, чтоб тебя!.. – Вардас вскочил со смятой постели весь в холодном поту и непривычном замешательстве.

В том, что кто-то возродится из пепла смерти при неблагоприятном стечении обстоятельств, он даже не сомневался, но вот чем это будет чревато, даже не хотел думать.

Легкое движение тени, словно мимолетная дымка, была выхвачена зрением. Тот, кто пытался спрятаться во мраке угла комнаты, попросту не успел этого сделать.

– Ты сдурел?! – просипел едва знакомый голос.

– А за каким йодасом, ты крадешься в моих покоях прямо посреди ночи? – зло прошептал Майло разжимая руку и отпуская горло того, кого схватил парой секунд ранее.

– Ты что-то сильно путаешь, старина, и это не твои покои, а старая захудалая таверна на окраине города. Впрочем, найти тебя всё равно не составило большого труда.

Точно! Майло потер лицо, чтобы снять наваждение.

– Что? – насмешка в голосе говорившего отрезвила окончательно. – Привык к канцлерским хоромам у себя на родине?

– Тебя это не касается, Гизо, – сдержанно ответил Вардас, – а теперь выкладывай, что ты нашел, раз вызвал меня сюда в столь поздний час?

– Есть новости! – огрызнулся связной. – Сам же потребовал сообщать о всех странностях на территории королевства и даже за её пределами.

– И?.. – в степенные раскланивания ударяться не было никакого желания, да и по части словесных излияний Майло был не мастак, что вышло, то вышло. Слава о его дурном характере сложилась еще с юности – пусть так и дальше думают, что пустословить с ним не стоит. Удобство такой своей особенности он осознал, правда, со временем, но зато свыкся с благоговением и кротостью окружающих его людей.

– Ты говорил, что надо обращать внимание на самые заурядные инциденты, но имеющие необычные черты.

От вида самодовольной рожи, попусту сотрясающего воздух Гизо, Вардасу хотелось сплюнуть и пару раз съездить по той самой роже. И возможно даже сапогом. Но нельзя. Гизо – человек себялюбивый и обидчивый, однако работать со сведениями и осведомителями умел и любил, этим и был весьма полезен. Что ж – сам виноват! Теперь придется терпеть издёвки, пустоватые замечания, чтобы получить и вычленив необходимое.

– На Неймальских болотах в последнее время крепко распустилась нечисть, – начал свое повествование Гизо.

– Не томи, – поморщился Майло, – там всегда бушует нечисть и не спокойно. Неужели стоило тащиться не весть куда, чтобы услышать только это?

– А ты потерпи, – связной посмотрел с вызовом, – и до конца-то дослушай. Не спеши. А то, говорят, в спешке и в штанах запутаться можно.

М-да.

С философскими премудростями у Гизо туговато – недостаток хорошего воспитания, да и грамотность подкачала.

– В провинции, на окраинах страны стали пропадать люди – в основном молодые девушки.

– Какие доказательства, что это дело рук гильтинийцев?

– Никаких, если бы не одно «но», – осведомитель сделал паузу, – я тут порылся в стареньких архивах одного Храма на окраине, и обнаружил кое что весьма интересное...

Майло молчал. Если Гизо сам его нашел, значит накопал действительно что-то важное, так просто осведомитель здесь не появился бы.

– В самых древних упоминаниях об этих тварях сказано, что для своих мерзких ритуалов им всегда нужна была жертва.

В памяти возникла Гинтаре, лежащая на снегу в ритуальном круге из собственной крови, и пламя, норовившее сожрать, забрать у него самое дорогое. Любовь – это огромная слабость. Влюбившись в девушку, Майло совершил непоправимую ошибку – подставил Гинту под удар. Умри любимая в тот день, у него не осталось бы смысла к существованию.

Пусть она останется жива! Выйдет замуж за кого-то более молодого и менее опасного, родит детей. Ему – Майло Вардасу – будет больно, но дочь Инге останется жива, и призраки перестанут его мучить по ночам.

В это, хотя бы, хотелось верить.

– Чаще всего гильтинийцы использовали кровь девушек, даже встречались случаи убийства девочек.

– Ценность крови! – стал догадываться Вардас. – Чем она чище и моложе, тем сильнее эффект ритуала, так ведь?

– Вроде того, – кивнул Гизо, – но еще один не маловажный момент...

И опять он делает эту раздражающую паузу.

– Самой ценной считалась та кровь, носительница которой обладала магией.

Что-то беспокойно зашевелилось где-то внутри памяти Майло, будто очнувшийся от спячки зверёк, затрепыхалось на дне разума. Гинтаре... совершенно определенно она обладала магией, правда не умела пользоваться ею, но дар богов у неё был. Её подруга...

– Что еще ты выяснил из старых свитков?! – в порыве Вардас схватил осведомителя за ворот.

– Да, йодас с тобой, Вардас! Что на тебя нашло сегодня?!

– Говори, что вычитал, Гизо! Ты ведь не просто поболтать по душам заявился среди ночи?

– Да, чтоб тебя! Отпусти...

Опомнившись, канцлер отпустил Гизо, тот отряхнувшись, с недовольным видом, не упустив момента высказаться:

– Ты, правда, сумасшедший! Если бы не приказ самого магистра, в жизни не стал бы связываться с тобой!

– Да, плевать! Что ты накопал в манускриптах?

– Больше ничего выяснить не удалось! Но попробуй попытаться счастья в ивелесском тайном архиве. Говорят, там сокрыто много, чего интересного. Хотя... – ухмыльнулся Гизо, – ты не особо-то ладишь с Лотроком.

– Это тебя не касается...

Беспокойство стало еще сильнее биться о стенки черепа, потому что все становилось на свои места, словно зубцы в замочной скважине, но, где-то терялось звено, и не получалось полной картины. Гинтаре в ритуальном круге оказалась не зря, девчонку тоже украли не просто так. Все было сделано так, чтобы отправить его по ложному следу! А он – глупец – повелся!

Майло сделал полный круг, чтобы вернуться к тому, с чего начал. И теперь план Ауро казался ещё более безумным, изощренным, но, при этом, невероятно бесчеловечным.

Самое главное – надо успеть. А ещё придется вернуться... и посмотреть ей в глаза. Гинта поймет его порыв и то письмо, что он отправил ей, как только покинул двор. Она разумная девушка и всё воспримет правильно. Майло ей не пара. Слишком разные и далекие друг от друга, они столкнулись в своем одиночестве. Самое главное – не смотреть в глаза девушки, иначе он не устоит и украдет её прямо из-под носа отца, наплевав на принципы и уговор с Эмбро Сарфом.

Гизо его покинул, скрывшись во тьме ночной тишины. Покровительница заботилась о своих детях, принесших некогда очень ценную жертву, взамен на ее благословение.

Ранним утром Майло сам явился в Верховный магистрат братства Брексты. После ночного кошмара и последующих новостей он всё ещё приходил в себя, пытался осмыслить данные ему крохи неразрешенной загадки. Рената даже после смерти явилась чтобы изводить его ночными кошмарами. Никак ей неймётся, даже на том свете. И умерев, продолжает изливать словесный яд, да только полезного в её болтовне нет ничего. Допросить бы её сейчас как следует, только такое действие противозаконно и грозит не столько арестом и казнью, сколько просто смертельным исходом для проводящего ритуал.

Да, и йодас с ним с ритуалом!

Последние новости совсем выбивали из колеи. Надо обязательно попасть в секретный архив ивелесского королевства, чтобы упорядочить в голове, сказанное Гизо. Не зря же он отправил грамоту с изъяснениями второму лицу ордена.

Эмбро Сарф – магистр ордена Брексты, отсутствовал, его пост временно занял молодой перспективный ивелесец – Генрих Лотрок, по совместительству, являющийся единокрывным

братом короля Тристана. Он отказался занимать покои магистра и проводил все беседы в неказистой боковой гостиной, где узкое окошко едва разгоняло мрак над пирамидой пергаментов и развёрнутой картой королевства, небрежно придавленной стилетом.

– Я видел ваш отчет, Майло, – произнес заместитель магистра, перекладывая бумаги на край стола, – можно поинтересоваться, откуда такие выводы?

Лотрок был ровесником Вардаса, но пришел в служение позже. Намного. Однако, нельзя было с уверенностью утверждать, что пробиться так быстро и легко ему помогло происхождение. Генрих был умен и талантлив, коим и должен был быть служитель ночной темноты. Но все же один существенный недостаток у него имелся. Имя этому недостатку было – Бригги Вардас.

Однако, когда дело касалось службы, личные приязни отходили на второй план.

– За нападением в Дейделисе стоял человек в маске, – начал издали Майло, – также был выявлен предатель Рутарс – один из преданейших дознавателей королевской службы. К нему нашли подход, узнали о его слабостях и, я не исключаю того факта, что имел место момент вмешательства в его подсознание. Как вам известно, отступники довольно изобретательны в своих решительных деяниях.

– Да, но их попытки нанести вред стали уж слишком открыты и смелы по своей беспринципности в последнее время, – задумчиво промолвил мрачный Ричард. – Вы не находите это все признаком отчаянной попытки пошатнуть чашу равновесия в свою сторону?

– Полагаю, они преследуют некую цель, вполне конкретную, – сдержанно пояснил лорд Вардас, – значение которой мне пока не совсем ясно.

Итак, понятно было, что всё творящееся, было не хаотичными ударами беспомощного скорпиона, придавленного камнем, а точечными укусами расчетливого аспида, рассчитывающего обескровить жертву и снова скрыться в траве. Это невероятно злило! Бессилие из-за недостатка знаний и непонимания целей преступников. И ведь по всему выходило, что ничего не кончилось. Кошмар будет длиться, пока одна из сторон не даст слабину. А это надолго, точнее – навсегда. И не будет Майло теперь покоя. Ни ему, ни тому, кто окажется рядом...

– Что вы знаете о самых первых последователях Гильтине, лорд Вардас?

Вопрос, который задал Лотрок, был обычным, на первый взгляд, лишенный подвоха. Если бы ни одно «но» – а, кто вообще, хоть что-нибудь знал о гильтинийцах?

Мир, если верить проповедям жрецов, создали Боги, поэтому им поклонялись люди – семь богов, семь культов. Но в Храме всегда стоял восьмой пьедестал, кому-то же он предназначался? И все люди знали, кому именно, только боялись говорить, ведь Гильтине считалась богиней-отступницей за непомерную тягу к смерти. В пантеоне её место заняла миролюбивая Виелюмате – проводница душ в мир умерших. Однако, и снести пьедестал Гильтине в Храме никто не решался – как-никак богиня.

– Мне известно об отступниках тоже, что и всем моим братьям, магистр, – ответил Майло, после непродолжительной паузы. – Все, что написано старых летописных сводах и даже то, что частично засекречено в королевской библиотеке Латгелии.

История гласила – началось всё с того, что около шести сотен лет назад, когда государственность в мире Энике только-только установилась развернулись во все стороны торговые пути, это дало толчок к всестороннему развитию наук, в том числе и магических искусств, кроме одного запретного – некромантии. Это было ещё и по причине того, что уж больно дар смерти являлся редкостным явлением среди магов. Да и зачастую маги, поцелованные богиней смерти, вызывали страх, ужас и отвращение. Мало, кто владел знаниями по некромантии, чтобы передать их другому или помочь научиться ею управлять. А из-за неконтролируемого последствий опытов таких одаренных, могло случиться непоправимое, что и происходило временами.

В народе, и без того, царствовал стереотип – в Храме всех богов не стояло статуи Гильтине, ей не поклонялись и не несли дары, так значит и дар смерти должен быть изолирован от

мирных людей. Как-то в одном селении отказались пустить на постоянный двор мага с темным даром, из-за чего, в порыве гнева, он выжег почти все дворы, а те, кто выжил, рассказывали такие ужасы, что ненависть к некромантам выросла в разы. В итоге все, кто обладал даром богини смерти, отныне стали жертвами самосудов, подвергаться гонениям, вплоть до ареста и смертной казни.

Маги с темными способностями не выбирали, с каким даром им рождаться, а в итоге несли за него непомерную ответственность и неминуемую кару. И тогда-то обделённые некроманты и объединились в последователей богини смерти Гильтине. Со времени унии некромантов под знаком покровительницы о них ничего не было слышно. Первое время. А потом... пришли эльфы.

Не в искусном оружии иноземцев была их сила. Нет. Просто портал, который они, видимо, создали для прорыва через тонкие сферы где-то на просторах этого мира, но так и не найденный до сих пор – вытянул всю магию из мира Энике. Оказалось, что магия была основным ресурсом людей, как в обычной жизни, так и в борьбе с потусторонними силами. Перед эльфами люди предстали жалкими и беззащитными. Новая одаренная раса почувствовала себя полноправной хозяйкой на просторах человеческих земель и проявила сдержанность в кровопролитии. Но, тем не менее, эльфы стали спокойно заселять территории, расширяя свои границы все дальше и дальше, и, кто знает, может быть совсем вытеснили бы людей в непролазные топи севера и горные кряжи юга.

В то время мелкие княжества на континенте стали объединяться в более крупные королевства, люди еще надеялись дать отпор чужакам. Так возник Красный трон Латтелии, Северный Дейделис, Ивелесское объединенное королевство и многие другие. Правители под своими знаменами собирали полки и вели к блистательным стенам, вознесшихся к небесам, непреступных эльфийских цитаделей.

Бесполезно. Оказалось, что эльфы знакомы с такими боевыми технологиями, что людей могли истребить в считанные месяцы, возможно – годы, но, в любом случае, человечество было обречено, без дара богов, и совсем потеряло бы силу на своих землях.

Если бы однажды некроманты не вышли из тени, явив миру полное владение своей темной магией смерти. Именно они и их способности остались устойчивыми перед истощающим оружием эльфов.

О, некроманты! Они пришли на помощь и стали спасителями мира от заселения чужеземцами. Их восславляли и благословляли. Им дали возможности и свободу действий. За столь длительное время маги смерти превратились из изгоев в героев. Только никто не знал, какая цена будет у великого спасения.

Итак, начался именно тот виток истории, тёмные стороны которого были тщательно засекречены в королевских библиотеках Латтелии и Ивелесса. Радостный от того, что в мир все же вернулась столь желанная магия, пусть не такая, как прежде, но все же. Эльфы перестали претендовать на захват и покорение мира. Правда, время от времени, совершая попытки пододвинуть свои границы чуть дальше на запад, но нельзя сказать, что они достигли в этом особого успеха.

– Поэтому я и хотел бы попросить открыть доступ в королевский секретный архив Ивелесса, – закончил Майло.

– Вскрыв печати на старых фолиантах, – Ричард встал из-за массивного стола из красного дерева и подошел к окну, – вы полагаете, что сможете разгадать ту часть головоломки, к которой ведет их нынешняя деятельность?

– Несомненно, – Вардас едва удержался, чтобы не съязвить в манере Гинтаре, но смолчал. Из чего следовало две вещи: Майло так и не забыл рыжеволосую девушку с янтарным цветом глаз и не полюбил новоиспеченного магистра. Что только сестра нашла в этом напыщенном павлине?

– После диверсии в Дагендолле месяц тому назад, – продолжал Майло, – исчезла молодая девушка. Следы её похитителей затерялись где-то у границ с эльфийской империей. Это то, что удалось выяснить мне в последние недели. Так же становится понятным, что кто-то из верхушки знатных семей причастен к этому. И, если вы считаете, что этого недостаточно, то мне придется просить его величество Тристана.

Лотрок отвернулся от окна и в упор посмотрел на Майло.

– Не стоит беспокоить его величество по таким... пустякам, – Ричард даже побледнел. Поговаривали, отношения между сводными братьями были весьма натянуты. Ведь Лотрок был первым претендентом на королевский престол, но отказался от наследования и короны. Немыслимый поступок для старшего сына короля!

– Это не пустяки, – сквозь зубы промолвил бывший канцлер, – все возможно, что девушки в Дейделисе находятся в серьезной опасности. Да и не думаю, что от действий братства темной богини смерти кому-то стало легче жить.

– Вы проверяли семьи, подобранных вами для смотрин девушек? – тут же увел в сторону беседу Лотрок.

Вардас даже поморщился, когда магистр заговорил об организованном самим Майло отборе невест для Витгерда – короля Латгелии. Это ведь не кивок в сторону его недальновидности или, статья, недобрых намерений?

– Несомненно.

– А исчезнувшая, как-то связана с Высшими Домами?

– Напрямую Людвика Огбите не связана с отбором, но она служила помощницей одной из потенциальных невест.

– И вы считаете, что она достойна того, чтобы оставить ради неё пост и бросаться на поиски? – бровь назначенного магистра изогнулась ленивым котом.

– Девушка достойна этого, хотя бы потому, что она послушница культа Пречистой! – руки непроизвольно стиснули деревянные подлокотники кресла так, что те жалобно закрипели.

– Неужели наш непробиваемый канцлер и брат познал острую необходимость одарить кого-то своим благословением? – в словах Ричарда послышалась издевка.

Мерзкий сукин сын! Еще чуть-чуть и выдержке Майло придет конец, физиономия красавца-Лотрока перестанет волновать девичьи сердца на некоторое время. Никак не забудет ивелесский королевский отпрыск свою обиду. Но, как любящий брат, Вардас не мог поступить иначе.

– Эта девушка, – сквозь зубы произнес бывший канцлер, – обладает даром смерти.

Ухмылка сошла с лица магистра.

– Почему вы сразу не сообщили об этом? – потрясенно молвил Лотрок. – Отчеты вы составляли для кого?!

– Для всех тех, кто полезет их перечитывать без вашего ведома.

– Да как вы смеете... – на бледном лице Ричарда стали проступать красные пятна.

– Смею! В виду последних событий, оказалось, что гильтийцам слишком много известно! Как вы объясните такое положение дел?

– Да, я в курсе произошедших событий, но... – магистр отошел от окна и прошел в середину кабинета, – до конца я не был уверен, все же случаи проявления магии смерти очень редки. И все...

– Доступ в архив! Дайте мне возможность прочитать засекреченные письма.

В кабинете повисла тишина. Лотрок задумался, а Майло не смел ему мешать, хоть и гасил в себе желание надавить, тем более зная болевые точки магистра.

– Хорошо! – выдал Ричард после долгих раздумий. – Я предоставляю вам доступ в засекреченный архив королевства, но поставлю условие.

И так всегда. Ричард Лотрок считал себя самым разумным и хитрым распорядителем. Наверное, поэтому у него не всегда складывались отношения с подчиненными.

– Вы вернетесь обратно в Дагендолл, и закончите начатые мероприятия по поиску невесты для вашего племянника – короля.

Не то, чтобы Майло не ожидал такого поворота, но возвращение к отбору не вписывалось в его ближайшие планы. Он немного жалел о том, что ввязался в сомнительный план Ауро, и искренне переживал за будущее племянника. В итоге, поставленные цели – вычислить врага и предотвратить диверсию не вышло. Получилось даже наоборот. На фоне неудачи, Вардас умудрился поссориться с Ауро Сарфом – королевским предсказателем.

– Но есть ли в этом смысл, магистр? – по правилам братства Брексты, Майло не имел права отказаться. Никак. Разве что внести коррективы в решение старшины своими вескими доводами.

– Еще какой! Вы недооценили результат столь масштабного мероприятия. Более того, в один город съехалось огромное количество монархов сильнейших держав. Для многих появилась возможность провести переговоры в не совсем формальной обстановке, решить некоторые разногласия, заключить союзы. Вы слишком узко мыслите для человека вашего положения, лорд Вардас.

– Зато вы – невероятно дальновидны, – не удержался от укола и Майло.

– Конечно! Ведь, в отличие от вас, я смог оценить ситуацию со стороны, – спокойно произнес, ничуть не задетый сарказмом Вардаса. – Вам пришлось заниматься организацией масштабного действа: поиском девушек, приемом гостей в королевском замке, безопасностью и многими другими весьма нудными и отвлекающими делами. Но, тем не менее, именно вы и заставили гильтинийцев действовать, высунуться из подполья. Да, есть и потери, но от вас будет больше толку в эпицентре событий, нежели за его кулисами.

– Но, позвольте... я дал слово! В первую очередь Витгерду, что найду того, кто так отчаянно желает зла в его окружении, но так и не продвинулся. Я потерял достаточно времени на все эти балы, танцы и турниры, упустив предателя.

– Вы его и не найдете, если будете вдалеке от двора Латгелии, – Ричард, для пущей убедительности, даже подался вперед всем телом. – Неужели вы считаете, что самый главный зачинщик покинул двор?

Конечно нет, но изливать душу Майло никому не собирался. На самом деле он и Дейделис решил покинуть, чтобы спровоцировать врага на новые действия. Борьба на два рубежа была слишком расточительна даже для сил второго лица державы. Да и кое-какую информацию необходимо было проверить. И вот чего уж не ожидал канцлер Латгельского королевства, так это того, что в братстве так проникнутся идеей отбора невест, что примут решение продолжать балаган. Ну, нет. Только не при его участии. Хватило одного раза.

Теперь надо было отвлечься и сосредоточиться на главном.

– Отправляйтесь в Дейделис, – распоряжался Лотрок, взявшись за перо и вновь погружившись в чтение бумаг, – продолжайте и дальше оставаться цепным псом Латгелии. А я вам предоставлю еще больше записей по последователям Гильтине, пропущу в секретный архив Ивелесса.

– А как же его величество Тристан? – скорее машинально, нежели из беспокойства, уточнил Вардас.

– Его величество всё прекрасно понимает, к тому же, неплохо о вас отзывается. И еще... – во взгляде магистра появилась искра, – эльфы очень заинтересованы в том, чтобы принять участие в отборе. Они тоже готовы предоставить информацию в обмен на то, чтобы принцесса Эурелия была включена в основной список невест.

А вот это было уже интересно. Ауро про такое ничего не рассказывал, надо будет его как следует расспросить. За одно и помириться, хоть Майло был все ещё зол как ёдас.

– Также принц Латриэль готов выбрать себе невесту из списка, – на этот раз блеск в глазах Ричарда не очень понравился Майло.

– Не много ли желает анорионский принц в обмен на свою сомнительную помощь?

– Это не нам с вами решать. Тем более, что Латриэль хочет не так уж и много, даже не принцессу из претендующих королевств.

Майло напрягся. Интересно, что уже задумало это худосочное существо с кинжалообразными оттопыренными ушами?

– Латриэль так продешевил, торгуя своей лояльностью? – Вардас старался выглядеть максимально безразличным, но беспокойство уже гуляло по спине неприятным холодком.

– Как знать? Но он очень заинтересован, ведет переговоры с латгельскими советниками. Вот поэтому вам и желательно быть сейчас при дворе рядом с вашим племянником. И, Вардас... – Лотрок внимательно посмотрел на своего коллегу, – вы происходите из рода держателей Запада, умение договариваться с эльфами у вас в крови.

– А что сам лорд Сарф думает по этому поводу эльфийского интереса? – последние слова получалось выговаривать не иначе, как сквозь зубы.

– Он пока не вел переговоры с эльфийскими послами, потому что занимается одной из ваших наводок, ведущей в восточные княжества.

Зная магистра Эмбро, Майло понимал – тот никогда не любил придворные заигрывания и болтовню, и общение с большим количеством народу, старательно сводил к минимуму. Все легло на плечи Витгерда. Но Вардас был уверен, чтобы не произошло, племянник справится, и примет нужное решение, каким бы оно ни было.

– К тому же, лорд Вардас, у меня к вам будет еще одно очень серьезное дело.

«Ещё одно очень серьезное дело» ждало Майло прямо в его скромном жилище, изящно попивая вино из витого серебряного кубка. Годы её совсем не изменили, она по-прежнему оставалась такой же красивой и самоуверенной, но больше не будоражила никаких душевных струн. Однако, даже тогда, не смотря на её острый ум и его крайнюю приязнь к этой женщине, ей так и не удалось зажечь искру в сердце Майло.

– Здравствуй, Лейда, – сдержанно поздоровался, сбрасывая плащ на спинку кресла, лорд Вардас с женщиной, некогда разбившей его сердце, – ты уже в курсе?

– Конечно! – похоже, она была полна воодушевления и желания поскорее приступить к делу. Или всё же авантюризм и жажда приключений гнали её вперед.

– Это путешествие будет не из легких, – со вздохом молвил канцлер Латгелии, – стоило бы тебе отдохнуть перед дорогой.

– Вот еще! – вино уже раззадорило далеко не покладистый нрав Лейды. – Я так долго томилась от скуки, целых десять лет изображая светскую матрону. С меня хватит! Мне поскорее хочется отправиться в путешествие за новыми ощущениями и впечатлениями. Кстати, а почему ты не поставишь портал?

Легка на помине...

Ненадолго хватило её тяги к авантюрам.

– Потому что по дороге в Латгелию придется уладить некоторые формальности.

Майло старался отвечать сдержанно, чтобы ненароком не обидеть женщину, но резкие слова сами срывались с губ. Вот кому-кому, а ему не мешало бы отдохнуть. Но Лейда – это сплошная головная боль, для неё остаться в одиночестве – подобно смерти. Одно её присутствие заставляло быть на чеку.

– Ну, что ж. Путешествие, так путешествие! И когда выдвигаемся?

Женщина подошла к лорду Вардасу и положила свои руки ему на грудь, словно пытаясь почувствовать взволнованное биение сердца.

– Я скучала, Майло.

– Довольно, Лейда.

– Почему? Мы не виделись более десяти лет. Столько времени прошло! И, поверь, я пожалела. Нет, правда, пожалела, что отвергла тебя, вышла замуж за Эдгара. Но наши чувства тогда пылали тысячью солнц! А потом оказалось – кроме собственного кресла у окна своей спальни ему ничего и не нужно! Он так погряз в мещанстве и тяжбах за соседские земли, что я чуть с ума не сошла в той глуши, которую он звал родовым замком. Представляешь? Мне казалось – родовой замок – это нечто загадочное, балы и светские вечера, новые знакомства, а на деле – это дыра, куда съезжаются его дружки для охоты... и прочей ерунды.

О том, как Лейда Гамильтон леди Хенсли «скучала», знал весь свет ивелесской столицы. Майло сей момент сильно упустил, восполняя пробелы в знаниях из писем сестры Бригги.

Сложно было воспринимать такую женщину, как леди Хенсли, всерьез. Да и сам Вардас никогда бы не пошел на то, чтобы звать её с собой, но того требовали обстоятельства. Несмотря на веселый беззаботный нрав, легкий характер, некоторые способности Лейды были неоспоримы – она прекрасно владела таинством рунического письма, была знакома с некоторыми особенностями магии отступников, и по статусу была вхожа в тайный архив Ивелесса. И все же, Лейда была последним человеком, к которому обратился бы Майло за помощью, если бы не требование Ричарда Лотрока, а просьбы шурина следовало удовлетворять, хотя бы изредка.

Вот только как бы самому Вардасу не пришлось засунуть голову в паучье логово.

– Иди, отдохни, – Майло снял её руки с груди, вежливо поцеловал тыльную сторону ладони, – завтра будет новый день, и мы с тобой поговорим поподробнее.

– Майло... мне, правда, жаль, что так вышло десять лет назад.

Женщины была не на шутку расстроена. Её глаза виновато смотрели снизу-вверх.

– А мне, на удивление, нет.

Глава 2

Пламя билось раненной птицей прямо на руке, разрасталось, жалилось... именно жалилось – больно, как будто огрызаясь и наказывая за попытку обуздать, приручить и покорить. А ведь раньше боли не было, одежда сгорала, но ран не оставалось. В этот раз все иначе, огонь – стихия непокорная и необузданная – поддаваться не хотел.

Я попыталась собрать пламя и сложить змейкой, но...

В виду сложившихся обстоятельств и вашего нового статуса, смею сообщить, что всякие отношения между нами стоит немедленно прекратить...

От злости и обиды на такие слова свело зубы, внутри поднялась буря, а маленькая огненная змейка разрослась до размеров огромного змея, и, неумной силой, смела хвостом снег вокруг и ударила о камень. Поднялся столп желтых искр.

Камень, который я так неосмотрительно вам отдал, принадлежал некогда вашей матери и был ей подарен Эмбро Сарфом – вашим отцом. Он не являлся символом нашей с вами помолвки, камень был отличительным знаком, чтобы Великий магистр мог узнать в вас свою дочь...

Маленького янтарного солнышка больше не было. Оно расколосось на множество мелких осколков, которые так и остались лежать на белом снегу за замковой рощей. Часть из них мне впиалась в грудь, оставив на коже расходящиеся лучами шрамы, но это мелочи. Я понимала истинное назначение камня, зачем было писать такие обидные слова? Чтобы, кроме тела, травмировать еще и душу?

Теперь вы вольны выбирать того, кто вам придется по сердцу и ничем мне не обязаны. Я не буду искать с вами встреч, ибо наши взаимные притязания были ошибкой.

На этот раз камень, обвитый искрящимися кольцами, не выдержал напряжения и треснул. Ошибкой...

Он пришел посреди ночи в мою комнату и целовал меня! Его чувства казались искренними и настоящими, хоть он и был сдержанным и даже немного отстраненным! А теперь – всё было ошибкой. Ошибкой!

Несмотря на то, что у Майло был такой страх перед огнем, он полез за мною в пламя, чтобы достать из ритуального круга, а теперь бросает меня. По своей ли воле?

Возможно.

Майло Вардас всегда был в первую очередь канцлером и только потом человеком.

Мои чувства к вам были ошибочны, но в знак нашей доброй дружбы с вами, посмею заверить, что подруга и спутница ваша будет обязательно найдена.

Камень на стене, раскалённый докрасна, стал крошиться...

Я обещаю вам это.

– На сегодня достаточно!

Мелкий щебень взбешенными пчёлами летел в разные стороны, когда Эмбро Сарф – мой батюшка – подошел ко мне и положил руку на плечо.

– Иначе я лишусь и этого пристанища.

Увы, у предыдущего дома были слабые стены, а я только получила от Майло письмо, с его весьма содержательным текстом. После случая с ритуалом огонь стал часто и бесконтрольно охватывая меня, снося все вокруг. Хорошо, что разворотило только мою комнату, разорвав стены не только изнутри, но и снаружи, никто не пострадал, но люди так перепугались, что слуги со страху сразу же разбежались кто куда, а о происшествии по столице поползли слухи – один невероятнее другого.

Этот дом был крепче предыдущего, находился за пределами города и его окружала высокая каменная ограда, которая частенько становилась объектом для выхода моего отчаяния.

Мне отвели место для моих занятий с отцом, который постоянно учил меня контролировать свою стихию, правда, до сего момента он так и не добился успеха. Судя по его виду он был крайне мною недоволен.

Ну и пусть. Восемнадцать лет у меня не было ни малейшего представления об этом человеке, а теперь...

Надо признать, что мы чужие люди друг другу, наверное. И от Легарта ничего не слышно несколько недель. Даже не навестил ни разу. Тут его можно было понять – кузен избавился от обузы, и с радостью отправился распутывать заговоры против его величества. Выше упомянутое величество тоже даром времени не теряло, ходили слухи, что король вел переговоры с эльфийской империей для укрепления связей и власти. Весьма похвальное занятие, главное, чтобы эльфы не придумали очередную гадость и не напакостили – с них станется. Что-то, а пакостить любили эльфы знатно. Исподтишка. И чужими руками, желательно. В этом они были знатные мастера.

Ну, пусть переговариваются. Политика – удел великих. Витгерду тоже пора научиться жить и справляться без лорда Вардаса – это не я такую умную мысль у себя в голове сформировала, это батюшка высказался на днях, правда пост правой руки короля так и остался пустовать, мало ли Вардасу после его странствий снова пожелается канцлером сделаться. Не обделять же столь важную персону чином?

К счастью, от всей придворной дребедени я была предусмотрительно изолирована горячо любящим родителем. Он теперь заботился о моей особе и пытался вылепить из меня не леди, как до этого пытались тетушки, а истинную воинствующую магиню... магессу... или магичку... Без понятия, как оно правильно звучит, но как бы это не называлось, сия процедура по превращению, была довольно сомнительна, по ожидаемому результату, и весьма трудозатратна, если брать в расчёт мои не самые, прямо скажем, выдающиеся силы.

Самое неприятное, это то, что изнуряющая попытка обуздать собственное пламя не помогала забыть канцлера Вардаса. Каждый раз, как только я пыталась убедить себя в правильности принятого им решения, меня разрывало на части от обиды и боли, от того и не выходило у нас с огненной стихией ни взаимопонимания, ни дружеских отношений. В итоге, пришлось признать, что я такая я же глупая и наивная, как и все девы, мечтающие о любви – втрескалась в первого встречного, который приласкал, поманил за собой. Даже, походя, спас жизнь...

В огонь полез, а ведь от одного его вида Вардаса передёргивало. Или мне всё показалось? Конечно показалось – я же только из Обители вырвалась и наивная, что та овечка на лужке.

– Нам необходимо поговорить серьезно, – в обычной своей странной манере заговорил со мною лорд Сарф.

– От чего же не поговорить, если повод имеется?

– Я отправляюсь в Саурас с важным поручением от его величества. Вот решил тебя взять с собой в путешествие, как ты смотришь на возможность прокатиться через полстраны вдвоем?

Ужасно! Смотреть на такие предложения я жаждала лишь из окна укрепленных стен какой-нибудь глухой обители, желательно обведённых рвом. Хотела было сказать что-то в этом духе, но вовремя прикусила язык. Путешествовать – значило ехать куда-то очень далеко, в наглухо закрытой повозке, время от времени прыгая по ухабам и колдобинам, рискуя отбить не раскормленное на хвалёных королевских харчах седалище и потерять сиятельный набор ещё целёхоньких зубов.

– Отправимся мы без сопровождения, – тем временем продолжал батюшка вводить меня в курс дела, явно предполагая мою радость от услышанного и безоговорочное согласие на это предприятие, – под видом скромного лекаря и его дочери, которые отправились на новое место работы главы семейства.

Сама мысль о поездке уже вызывала приятнейшие мысли о тошноте и головокружении. Да, что же это такое?! Вроде же не кисейная барышня, а все туда же.

Итак, путешествие вместе с отцом в одну из весьма богатых провинций нашего королевства, да, к тому же, инкогнито... Как ещё удастся поближе узнать отца, если не взявшись за одно с ним дело.

– Конечно же я согласна! – выпалила на одном выдохе. Всё равно, очень тяжелом выдохе.

К чему-то эта поездка приведет? В королевстве беспокойно, меня пытались убить давеча, можно сказать, а ещё отец – и не кто-то там, а сам глава Братства Брексты, со своими тайнами, и не только семейными. Аж мурашки по коже! В конце концов, должна же я привыкнуть к длительным путешествиям – порталы я создавать не умею, а мобильность или, как говорят, умение быстро делать ноги в нужном направлении, в наши времена – умение неопенимое.

– Вот и замечательно! – констатировал батюшка таким тоном, будто бы и не думал, что я откажусь. – Займись сборами сегодня – возьми все самое необходимое. Завтра рано утром выдвигаемся в путь.

Собственно, вот и поговорили. От меня, судя по всему, и согласия не требовалось.

И так как до конца дня заниматься разрушениями больше не было никакого желания, я решила потихоньку переключиться на сборы, рассчитывая, что всё самое необходимое я могу собрать сама за полчаса.

Но за полчаса не получилось... и не из-за того, что я поленилась.

Нет, мне определенно не хватало Люди...

Стоило взять в руки какую-нибудь вещь, как тут же вспоминала, с каким проворством Людя умудрялась аккуратно сворачивать одежды и платья, расталкивая их по немногочисленным шкафам и ларям. Сейчас бы под её девичье ворчание можно было бы складывать дорожный сундук и самой, но неожиданно в моих покоях объявилась горничная, приставленная ко мне моим батюшкой.

– Я могу вполне справиться сама, – попыталась выставить вон назойливую девицу.

– Это приказ лорда Сарфа – помочь вам со сборами! – надменно отрезала служанка. – А приказы лорда не обсуждаются!

Отсутствие Люди вообще было невосполнимо. Словно кусок от жизни отрезали, и ведь наша дружба была не сказать, чтобы долгой. А вот всё равно реветь хотелось напропалую.

Ох, Людка! Как же мне тебя найти? Приснилась бы, что ли, хоть какой-то знак подала.

– Леди чем-то недовольна? – из задумчивости вывел тихий вопрос девушки, занимающейся моим внешним видом.

– Я... – ощущения были почти такие же, как будто я свалилась с кровати, не досмотрев до конца сон – Э-э-э, нет. Ну, что вы!

Оглядевшись, с ужасом обнаружила, что пока я предавалась печальным мыслям, горничная усердно собрала весь мой гардероб и упаковала в сундуки.

– Но мне не нужно... столько вещей!

Куда я это все потащу? Понадобиться отдельный экипаж. Тем более, лорд Сарф предупредил, что путешествуем под видом лекаря и его дочери.

– Вы леди! – отчеканила горничная. – А у леди должно быть с собой всё необходимое.

Однако, не вообще всё, что имеется у самой леди.

Девушка наотрез отказалась дать мне возможность хоть пальцем пошевелить самой, поясняя это тем, что ей платят достаточно, чтобы она могла позаботиться о своей хозяйке – ведь она работает в доме у самого лорда Сарфа, прислуживает его дочери, возможно будущей королеве.

Да что ж такое с этими людьми здесь в большом городе?

Даже прислуга пытается показать свой, пусть и не самый высокий, статус перед всеми. Я решила не спорить с глупой девицей, дав ей возможность заняться багажом.

Когда за ужином я предупредила отца о том, что со мной едет весь мой гардероб в полном составе, он только на минуту оторвался от своего блюда:

– Очень хорошо! На постоялом дворе я забронирую комнаты для их хранения, а ты отбери самое необходимое.

– Но... зачем? – чего-то я не понимала.

– Затем, что лекарем я представлюсь не из желания прочувствовать на себе всю прелесть существования простолюдина.

– Как скажете! – выдохнула и прокляла, на чем свет стоит, загадки и тайны, коими со мной делиться не спешат, но втягивают в авантюры по самую макушку с завидной регулярностью.

Самое главное, что я взяла с собой – свой посох. Оставалось, как следует выспаться, чтобы следующий день не превратился в бесконечный укачивающий кошмар.

– А ты меня удивила. – лорд Сарф смотрел на меня в обычной своей манере – с каменным выражением лица, не выдававшим и капли чувств, от этого мои глаза начинали дергаться оба и одновременно.

– Чем это? – преодолевая тошноту, спросила из вежливости, хоть и разговаривать не хотелось. Дорога, по которой мы совершали свое нехитрое путешествие, чем дальше уходила от столицы, тем сильнее походила на огородный грядки вайделы Беаты, где сам ёдас ногу сломал, а ехали мы пятый день. Нет, на ночь мы, конечно, останавливались на постоялом дворе, меняли лошадей, батюшка расщедрился даже на покои для ночевки, но состояние мое оставляло желать лучшего.

Все же дорогу я переносила плохо. И, нет бы, организму привыкнуть к тряске, но он не желал мириться с ежедневными издевательствами никаким образом.

– Твоя мама тоже не могла находиться долго в пути.

Это замечание заставило пробудиться мой интерес. Я заёрзала на мягкой скамье, вопросительно посмотрела на лорда Сарфа, ожидая продолжения рассказа об Инге. Многого я о ней не знала, оказывается. Отец не заставил себя долго ждать.

– Я не знал об этой проблеме, поэтому... – его лицо, и без того напоминающее обычно маску смерти, омрачила тень воспоминаний, глаза, ещё минуту назад, схватывающие каждую деталь, смотрели куда-то мимо меня – в минувшие дни.

– Из-за того, что её постоянно укачивало, вы и не смогли сбежать, не так ли? – даже догадываться не пришлось, его скисший вид всё сказал сам за себя.

– Да, – выдохнул лорд Сарф, отвернувшись к окну.

– Почему тогда не использовали портал?

– Увы, Инге уже была в положении, об этом я узнал слишком поздно.

– Вы так много сделали для короля, почему он не дал разрешение на ваш брак? – вот, что меня мучило долгое время. – Ведь он мог вырвать Инге из лап деда и запросто отдать её вам? Почему вы не попросили его об этом?

– Видно, что ты много думала об этом.

– Конечно думала! Вы не представляете, какой была жизнь моей матери среди... родных! Она так и осталась изгоем, дед любил и заботился о нас, но он не всегда бывал дома. Рената... – тут мой голос меня предал и сорвался, а я подавила рвущиеся наружу... злые слова.

Ещё чего не хватало! Тётка не заслужила даже слова, пусть и дурного, тем более, упоминания её имени вслух.

– Если бы её и правда любили, то забрали бы сразу и унесли далеко-далеко. Где никто не нашёл... сделали бы её самой счастливой! Что так мешало сделать последний шаг?

Лорд Сарф смотрел на меня абсолютно невозмутимо, и только на дне его желтых глаз шевелилось нечто мне не совсем понятное. Что это? Отчаяние? Боль? Он никогда не мог выразить при мне свои чувства, отгородившись стеной молчания. Неужели маленькая, хрупкая

мама сумела согреть камень, что у него находится в груди, и превратить его в живое, бьющееся сердце.

– Герда Вардас, – тихо произнес отец, но вот теперь, не смотря ни на что, в его голосе отчетливо проскользнуло чувство... злости. Кажется, я уже научилась различать кое-какие оттенки его настроения.

– Это мать нынешнего короля? – я помнила имя, но не мешало уточнить, на всякий случай.

– Да, и сестра Майло, если ты понимаешь, о ком идет речь.

– Да, но она, ведь, давно умерла...

– Умерла, – произнес отец задумчиво и снова устремил взор на заснеженные пустоши, – и в том, что случилось, была не виновата. Они были подругами, – Сарф выжидательно посмотрел на меня, – ты знала?

В памяти возникло распухшее и отекавшее лицо Ренаты в предсмертном исступлении.

– Тётка, что-то силилась рассказать, но она была в цепких когтях эльфийской пыли. Сложно было понять, бредит Рената или говорит правду.

– Рената... умерла именно так, как и заслужила.

– Поддержала бы, если бы не тот факт, что обвинили то в её смерти именно меня!

О чудо! Батюшка всё же рассмеялся. Или у него уголок рта потянулся вверх от того, что тоже живот крутит.

– Узнаю Ренату – несчастное злобное существо, способное отравлять жизнь окружающим даже после смерти.

– Так при чем же здесь Герда Вардас? – я решила напомнить отцу о более интересной стороне нашей беседы. Говорить о Ренате не было никакого желания.

– Это очень трагичная история, но...

Тут повозку тряхнуло так, что я, сосредоточившаяся на разговоре, и потерявшая бдительность, рухнула прямо на пол. Теперь шишка на лбу будет хорошо смотреться рядом с рыжей шевелюрой, контрастируя с веснушками. В общем, буду красавицей, главное, чтобы глаз не отёк, тогда окружающим будет казаться, что я ещё и кокетливо подмигиваю.

– Да, что тут такое творится?!

Лорд Сарф уже вышел было наружу разбираться с проблемой. Думаю, будь это разбойники, нас бы уже побеспокоили на предмет наличия драгоценностей и денег. Скорее уж лошади или колёса не вынесли прелестей отборнейшего бездорожья.

Ждать стало невмоготу. Выбравшись наружу, я первым делом зачерпнула горсть снега и приложила к многострадальному лбу. Если повезет, синяк будет сиять не так ярко и четко, тогда мне не придется объяснять другим, что со мной случилось в дороге. Темная фигура отца виднелась в отдалении. Он повернулся ко мне, оторвав взгляд от чего-то лежащего у его ног.

– Ничего страшного, – бодро улыбнулась хмурому батюшке, – всего-то лоб побила.

– Гинта, не могла бы ты поднести мой кинжал?

– Я? – не совсем поняла, что от меня хотят. – А... ну, да. В зависимости от того, где этот кинжал запрятан.

От снега кожа на лбу потеряла чувствительность, зато пальцы кололи острые иглы холода, поэтому его пришлось выбросить. Утопая по колено в снегу я двинулась к лорду Сарфу. Не далеко от нашей повозки, на дороге лежал олень. Из рта ещё выходили облачка пара от тяжелого дыхания, закатившийся глаз с предсмертным ужасом косил на меня. В белизне снежного покрова уже проступали багряные пятна, налитываемые засевшим в боку жалом стрелы.

– А наши лошади в порядке? – поинтересовалась на тот случай, если животные ранены.

– Да, – кивнул растерянный кучер, – олень выскочил из кустов, напугав кобылок до смерти и всего-то.

– Выбежал прямо из леса, – констатировал батюшка, – долго же он бежал.

Олень был огромным. Из тех, что называют королём леса, духом чащ и полей – одни только раскидистые рога, чего стоили, такую голову повесить на стену для любого любителя охоты, было бы гордостью и честью. Какое извращенное понятие о доблести. М-да.

Не знаю, был ли олень королем, но вот вожаком стаи точно являлся. Про таких нам наставники в Обители рассказывали, так как живую природу мы должны были знать так же хорошо, как и людей. Поэтому, только посмотрев на оленя, мне стало ясно, что задумал отец, и что при этом я не хочу присутствовать.

Но животное было жалко. Я таких красавцев видела, разве что, на картинках, и то, королевских книг. Я потянулась и почувствовала неуёмное отчаяние и боль уходящей жизни. Что же, дать ему умереть так бесславно?

При моем приближении олень задергал головой и забил копытами по рыхлому снегу.

– Осторожно!.. – восклицание отца, и его мощная рука перегородила мне путь к наступлению. – Не стоит к нему приближаться.

– Отсюда я не смогу ему помочь!

– И не надо. Как только ты к нему подойдешь, либо окажешься сбитой его копытами, либо поднятой на рога.

– Очень оптимистичный прогноз! – не удержалась, чтобы не съязвить родному батюшке.

Что я настоящий оленей не видела? Еще как видела! Издалека, правда, и не таких больших.

С таким, решительно отчаянны, настроем направилась к животному. Олень при виде меня стал снова барахтаться, силясь встать.

– Ч-ч-ч... – приостановилась и посмотрела в глаза животному. – Я не обижу.

Какой он большой и красивый! Огромные лиловые глаза глядели прямо мне в душу, а рога – словно раскидистые ветви вековых дубов, таких никогда не видела.

– Стой же! – надо же, лорд Сарф может проявлять истинное беспокойство за судьбу, едва обретённой, дочери.

А я все шла, хоть и медленно, но больше не останавливалась.

– Гинта... Его надо добить...

– Ты хороший, – обратилась к оленю, который громко фыркнул на меня. – Очень хороший.

И погладила его по мягкому тёплому носу. Его страх, обида, злость и боль накатили на меня холодной волной. Стрела была обломана у самого оперенья – глубоко вошла, не вытащить, а крови натекло – из человека столько не выйдет.

– Бедняга, ты ушел от охотников.

Глажу животное по морде, успокаиваю, вытягивая красные нити агонии из напряженного тела. Залечить не получится – слишком большой олень, моих сил не хватит, чтобы закрыть разорванную плоть. Кровь остановить смогу, а остальное – дело природы. Слишком разные люди и звери. Я могу, разве что, помочь хоть немного избавиться от боли.

От потраченных сил стали подкашиваться ноги.

– Не стоило впустую растрчивать силы, – недовольно произнес лорд Сарф уже где-то у меня над ухом.

– Зачем же мы остановились? – голова кружилась и меня слегка пошатывало.

– Мне нужно, чтобы ты поняла одну простую истину, – он смотрел холодно, как самый требовательный жрец Пречистой.

– Какую? – я решительно не понимала, чего от меня хотел добиться батюшка, разговаривая загадками. Но такая манера речи, поговаривали, его давний конек.

– Милосердие – обоюдоострое оружие! – лорд Сарф указал на громаду черного бора, припорошенного снежным саваном, откуда тянулся кровавый след. Я вздрогнула от пронзитель-

ного рева охотничьего рога. За деревьями послышался собачий лай, топот лошадиных копыт, крики людей, треск ломаемых веток.

Охота!

Из-за кустов выскочили борзые и понеслись в нашу сторону.

– Давай, беги! – стала я толкать оленя в мягкую морду, схватила даже за рога, в попытке его увести. – Тебя растерзают! Беги же! Ну-у...

– Уже поздно, – от спокойных слов отца, я чуть было не взвыла. – Надо было добить...

Зверь попытался встать, но копыта проскользнули по сокрытому под снегом льду. Только подняла глаза, как из леса вслед за псами стремительно выехал всадник.

Поднимая клубы искристого снега, с кабаньим копьём наперевес он мчался прямо на нас! Меня передернуло от недоброго предчувствия. За ним тут же из леса показалась кавалькада сопровождающих. Все были явно благородных кровей, разодетые сплошь в меха соболиные, шапки песцовые. Разогретые, разъяренные, жаждающие добычи и крови.

– Прости, – прошептала животному, глядя в глаза, – теперь я тебя не спасу...

Рядом с нашими ногами легли три стрелы. Всадник наехал, не жалея коня, отесняя нас от умирающего оленя. Отец успел меня оттащить от животного в самый последний момент. Я бы закричала, будь у меня силы, но сил не было. Не могла даже сопротивляться стальной хватке лорда Сарфа.

Собаки плясали вокруг и лаяли, не решаясь приблизиться. Всадник ловко выпрыгнул из седла, сбрасывая меховую накидку, поигрывая копьём и желваками на распаренном, но будто обтянутом ремнями лице. Свинцовые глаза были такими же пронзительными, как у отца, но в них играла какая-то необузданная жажда крови. Он посмотрел на меня исподлобья:

– Никак, браконьеры в моём лесу, – мягкий и глубокий его голос не вязался с внешностью, – Сегодня, видать, у нас два праздника: пир в честь славной охоты, и повешенье оборванцев. Как думаете, здорово же они будут болтаться, скажем, вон на том дереве?

Он обернулся к своим сопровождающим, те, распалённые скачкой, занялись хриплым смехом. Отец заслонил меня плечом:

– Побойтесь Всевышней, славный владетель, мы всего лишь странники, ненароком забредшие на ваши земли.

«Славный владетель» с прищуром оглядел отца с головы до пят, будто что-то прикидывая, а потом указал на нас остриём копья, будто с трудом растягивая улыбку.

– А я пошутил...

Он хохотнул, а потом и вовсе залился смехом, отвернувшись и утратив к нашим персонам всякий интерес

– Надо же, какой монстр! – самодовольно воскликнул, подходя ближе, охотник. Явно молодой, пусть и с обветренным лицом, полновластный лорд из высшего Дома. – Гнали от самого Ложского озера.

Он приблизился к оленю и схватил за рога. А лорд Сарф крепче сжал меня в объятиях.

– Прекрасное украшение для замковой гостиной, не так ли, Баркус?

– Милорд! – обратился к молодому аристократу, видимо, тот самый Баркус. – Я бы на вашем месте добил животное, чтобы не мучилось.

– Зачем? Ему и так осталось немного!

Милорд ткнул копьём в рану умирающего хранителя лесных владений. Мне ничего не оставалось, кроме как, сжать твёрдую руку отца своей холодеющей ладонью.

– Сегодня будет большой пир! – высказался один из охотников. – Завалили самого вожака! Йодас знает, сколько он бегал и путал следы.

– Теперь стаю будет легче выследить, – отозвался, кто-то еще, – они без – всего лишь тупое стадо.

Нас с батюшкой демонстративно не замечали. Да и кто будет обращать внимание на двух простолюдинов, одиноко стоящих в сторонке. А путешествовали мы именно, как простолюдины – под видом обычного лекаря и его дочери. Вещи, как отец и обещал, оставили на одном из постоянных дворов, щедро заплатив хозяину, за сохранность. Оставалось уповать на, что нас действительно не вздёрнут.

Лорд Сарф замер, казалось, он чего-то ждет. Я проследила за его взглядом, он внимательно смотрел в сторону молодого охотника, завалившего ногу на бок оленя. Он с восхищением и интересом осматривал тушу животного, дергал его за рога, прикидывая, как голова хранителя леса будет смотреться в его родовом замке.

– Я бы на вашем месте был бы поосторожнее, – тихо и почти скромно молвил батюшка, обращаясь к лорду, – все же это вожак стаи, так легко его не убить.

– Вы хотите сказать, что я недостаточно ловок, чтобы завалить такую тушу? – в свите молодого лорда восхищенно заохали. Оказывается, здесь даже дамы присутствовали, в шляпах с перьями и расшитых золотом плащах. Воистину, не понятна мне была эта тяга к играм в смерть. Охота для меня всегда была, чем-то вынужденно-необходимым, что служило источником пропитания. Но никак не способом получения удовольствия. Лес был благороден и щедр, если человек входил к нему с целью добыть пищу. Однако, есть ли смысл в том, чтобы загонять несчастное животное собаками, забить до смерти стрелами, просто, чтобы почувствовать удовлетворение...

Желчь подползла к горлу, во рту сгустилась горькая слюна.

– В прошлый раз, – продолжал довольно рассказывать лорд, – я завалил огромного вепря! Настоящее чудовище. Мы три дня пировали по этому поводу!

Какое невероятно интересное время препровождения! Убивать, а потом праздновать. Неужели и заняться-то больше нечем?

– И все же, милорд! – опять обратился к молодому охотнику сухопарый старик, неизвестно как, затесавшийся в это общество молодых и разгоряченных аристократов. – Будьте осторожны.

Тайком он дал знак трем крупным мужчинам, видимо, ловчим, чтобы те занялись тушей животного. Но те не успели даже приблизиться, когда олень в последней предсмертной агонии, мотнул головой и внимательно посмотрел на своего убийцу. В этот момент в свите раздались восклицания и окрик, однако молодой лорд не успел опомниться даже, как умирающий вожак оленьей стаи, вскочил на ноги и, разрывая шелковый гамбезон, насадил на ветвистые рога тело охотника.

Кто-то истошно завопил. Во вздувшиеся бока зверя вонзилось несколько копий. Один из телохранителей не растерялся, выхватил из ножен охотничий кинжал и одним метким ударом рассек артерию животного. Олень сел, ноги его подломились, и он рухнул, испустив последний вздох. Хлынула кровь, заливая снег вокруг. Кто-то из дам рухнул в обморок прямо на лошади, а кто-то просто ограничился обыкновенной рвотой.

Меня стало шатать, но рука лорда Сарфа держала стальной хваткой, не давая упасть и окончательно окунуться в спасительное забытие. Отец прямо вместе со мной направился к раненому лорду, которого к тому времени, сняли с оленьих рогов.

Месть хранителя леса свершилась. Никто нарочно не выслеживает и не убивает вожака оленьей стаи, даже волки – чтут закон леса и его обитателей. И, сильно сомневаюсь в том, что местная знать об этом не знала. Господа изволили поразвлечься. Думаю, такое представление они запомнят надолго.

– Прошу прощения! – скромно, до зубового скрежета, промолвил батюшка, обращаясь к тому самому сухопарому старику – Баркусу. – Я лекарь Раске из Дейделиса, позвольте мне осмотреть молодого лорда.

– У него разорвана брюшина, – произнес Баркус, – не знаю, что еще в этой ситуации можно сделать. Разве что, сотворить чудо!

– Чудо, что он не пострадал раньше. Раненое животное нужно добивать. Но, поверьте, – а лорд Сарф умеет быть душевным человеком, если захочет, – я изучал даже некоторые эльфийские методики. А моя дочь – Людвика, – тут он многозначительно посмотрел на меня, – прошла даже обучение в Храме Пречистой Живы.

– Вы серьезно?! – не дав мне опомниться, на меня посмотрели так, будто бы на моей голове прямо сейчас выросли такие же рога, как у почившего оленя.

– Так чего ждет эта девица? – воскликнула одна из леди. – Пусть немедленно займется исцелением лорда Савра! Его отец озолотит девчонку!

Похоже, все люди считали, что для служительницы Живы нет ничего невозможного, что касалось жизни и смерти. А сама целительница в погоне за наградой сию секунду вдохнет жизнь в умирающего.

Я посмотрела в глаза отцу. Взгляд желтых глаз мне все сказал. Не то, чтобы я обиделась. Нет. Но не ужели он вправду считает меня виноватой в случившемся, в том, что я не принесла ему кинжал? Не дала успокоить мучения живого существа, прервав его жизнь? И теперь мне надо исправлять свою ошибку. Что ж на душе так пронзительно грустно? Отец, и он во мне разочарован. Мне не нужно, чтобы меня отгородили опекой от всех бед света. Только иногда очень хотелось бы услышать хоть одно слово поддержки, все-таки он мой папа.

Затолкав все чувство вины подальше, я молча опустила перед лордом Савром – наследником Саурасской провинции нашего королевства. Брюшина и правда повреждена, но спасти еще можно было. Увидела все внутренние и внешние повреждения – много их, а часть силы я отдала оленю. Теперь понятно, почему батюшка злился, но ведь не остановил, почему-то.

– Не бойся, – шепнул он мне и положил руку на плечо, – я поддержу.

Ну да, одной мне не справиться. Молодой лорд Савр дышал тяжело и отрывисто, изо рта шла кровавая пена, а в глазах сильная жажда жить – человеческий организм, мне был куда понятнее животного. Я набрала побольше воздуха в легкие, склонилась над умирающим и, подавив тошноту и спазм в желудке, дотронулась своими губами до чужих окровавленных губ.

– Да как она... – где-то в отдалении уже слышала возмущенный девичий возглас. Чье-то мнение мне было сильно безразлично. Больше всего я боялась оскандалиться обычной рвотой. Хотя, девицы будут только рады.

Почувствовала, как закрываются раны внутри, восстанавливается кровоток в теле, как наливается жизнью ослабевшее тело, как тепло возвращается в, едва охолодевшие, губы.

Меня же силы стали покидать, как вода из опрокинутого кувшина, в ушах зазвенело так, что местный охотничий рог, в сравнении, показался соловьиной трелью. Еще чуть-чуть и...

Тепло в меня проникло прямо с того плеча, до которого дотронулся отец. А он совсем не такой уж и бесчувственный – стихия силы пламени – благородная стихия. Сила стала понемногу в меня возвращаться. Разлепила отяжелевшие веки и столкнулась с зелеными глазами, уставившимися на меня с... благоговением. И тут пришло осознание того, что по-прежнему мои губы находятся на губах лорда Савра. Только хотела вскочить, как крепкие мужские руки меня прижали к себе, а я обессиленно свалилась в пропасть забытья.

Самая действенная манера для излечения внутренних повреждений, и... самая глупая, как по мне. Целоваться с Сарвом было последним, что пришло бы мне в голову даже в час смертельной опасности. Теперь, поди и докажи, что злого умысла не было. Мне подумалось, что губы придется оттирать песком до конца жизни. Сил не осталось даже на слезы.

Вспомнился тот самый первый раз и шепот Майло прямо в душу: «Глупая моя девочка...»

Глупая – это точно. Будь я немного умнее, забыла бы о Вардасе, но вот только сам он никак не желал забываться.

Глава 3

Голова шла кругом от очередной порции гадости, которую в нее влили насильно. От нее еще и крутило живот так, что внутренности просились наружу. Но остатки рассудка еще не покинули сознание. Поэтому желание, чтобы все это поскорее закончилось, огненным клеймом прожгло все её мысли.

За что все это ей? Нет, не тот вопрос, она себе задала. Зачем она здесь?

За что, было и так понятно – не особенно была приучена к труду, да и прикладывать ручки самой желания не было. Избалована была родителями до ужаса – одна единственная цапка в семье, именно цапка, по-другому и не назовешь. Родители были купцами, не абы какими – зажиточными. Все у них было, а вот детей не было. И случилось, как в той сказке про избалованных королевен и ненасытных драконов, что нянька рассказывала на ночь глядя, чтобы Людя крепко засыпала. Только малая была не такая дура. Заснешь вот так, а новой сказки не услышишь.

Так вот, что же было в сказке? Память стала подводить. Там у короля с королевой тоже не было детей, и тогда королева приказала изловить невиданную птицу, что прилетала в королевский сад и там на деревьях сидела. Птицу, ведомо, никто не изловил, а вот хвост ей оттербили знатно. Раз, наевшись тех перьев, королевна понесла.

Матушка Людина вряд ли за птицей гонялась с батюшкой на пару – не в том положении люди были, так и соседи засмеять могут – но вот к знахарке одной матушка таки сходила. И, ладно бы, будь это вайдилута из своих. Так нет же, отперлась, заверни глаза, за самые болота, за леса – не лень же ей было. Та знахарка из темных была. Скорее всего. Это теперь понимала Людя, а тогда понимать ей не было надобности – после, проведенного обряда матушка ею, как раз-таки, обременилась. И никому не было дела – темный был обряд или какого-то ещё цвета. Дите родилось здоровое – счастьем родителей предела не было.

Так и жила Людвика Огбите – в непомерной любви и заботе. Имела свои покои с детства, нянек, что бежали по первому зову, игрушек в достатке, убранства самые красивые. Наверное, в такой жизни даже не помышляешь, что может случиться что-то худое. А оно вышло так, что вспомнить было жутко, мурашки бегали по коже и дурные сны еще долго преследовали Людю.

Как-то, в одной из поездок, на родителей напали, обокрали, а самих убили. Люде тогда лет пятнадцать было, когда эту дурную весть ей донесли. Но тьма в ней проснулась не в тот момент, а позже.

На похороны собрались все скорбящие родственники. Только вот скорбели они больше о том, что всё наследство достанется недалекой пигалице. А уж как-дом-то обнесли, отдельное воспоминание – подчистили даже Людины покои и снесли любимую игрушку – резную кукольную колыбельку с каланской росписью. Девушка мечтала, чтобы все они поскорее убрались из дому, боялась в любую минуту сорваться. Вся их неприязнь к ней легла тяжким бременем на воспоминания. Никто после произошедшего добрым словом с ней не обмолвился, все делили между собой родительский достаток.

А потом появился он. Ночной кошмар. Какой-то там батюшкин то ли сводный брат, то ли сводный сват. Явился не один, а с бумажками и душеприказчиками – мол, батюшка Людин о ней заботиться кровному свату завещал. Родственники убрались восвояси, прихватив себе все то, до чего дотянулись руки. Вот тогда-то и осознала Людя, каково это на целом веку одной остаться.

После первого побега, её заперли в собственных покоях. Няньки превратились в надсмотрщиц, а «добросердечный» опекун решил в женихи податься. И, нет бы, поискал среди соседских девиц себе суженую, куда там. Оказалось, что наследница всего сама Людвика, до золотников так просто не добраться. Вот и удумал сват-брат на ней жениться. Тут и шестна-

дцать лет вот-вот должно ей исполниться. А чтоб «невеста» не брыкалась да не отнекивалась, повадился к ней по ночам в покои ломиться. Няньки-надсмотрщицы ему в помощь ключи от двери специально отдали. С тех пор совсем жизни не стало.

Людя, правда, тоже не из робкого десятка. На гадости тоже была мастерица – то ужей наловит и в кастрюлю подкинет, то мышей да крыс дорогому родственнику в сапоги засунет. Однажды додумалась – и козьего помета в перину жениху напихала. Крику было, что окна ходунном ходили. Только няньки-надсмотрщицы сдали её с потрохами, а жених, не особо церемонясь, вознамерился выдрать лозинкой собственноручно. Тогда-то от страха, боли, обиды, тьма впервые и проявилась. Людя тот момент запомнила слабо, но женишок напугался до полусмерти, а главное, со страху к невесте больше по ночам не хаживал и бдительность свою ослабил.

Вот тогда и решилась Людя, набравшись храбрости, подкупила одну из дворовых девок гребнем коралловым и лентами кагантскими – все богатство, что от матушки с батюшкой осталось в личном пользовании – и сбежала. Слышала, что за верст двадцать от родного селения, Обитель имеется, куда всех нуждающихся сирот принимают, вот и направилась туда.

Как добиралась – вспоминать и то страшно. Каждый раз боялась, что настигнет «жених», развернет обратно, и, тогда уж точно, выбора ей не оставит. Но таки достигла Людвика заветной цели – в полубоморочном состоянии донесли ноги до той самой Обители...

– Как она? – за дверью камеры слышался, теперь уже, легко узнаваемый голос. – Опять переборщили с пылью!

Раздраженный. Нетерпеливый. Недовольный голос палача, которому преподнесли жертву в бесчувственном состоянии.

– Ну-ка посмотри на меня, – приказ был не жесткий, но Людя не смела ослушаться. С трудом разлепила тяжелые опухшие веки.

А ведь перед ней была женщина. Вот, что не давало покоя – как это может творить женщина.

– Тьма ещё не до конца овладела ею, – констатировала женщина в плаще и, открывающем лишь тонкие чёрные губы, капюшоне, – девчонка сопротивляется. Сильная...

Людя знала её. Точно где-то видела, только не могла вспомнить, где и когда именно. Будто бы тот участок памяти, в котором хранилась данное воспоминание, находился под замком, а вскрыть его не получалось – Людя не могла подобрать ключика. И только резкая боль, которая возникала каждый раз, когда девушка пыталась зацепиться крючками мыслей за ускользающую догадку, не давала прикоснуться к этому воспоминанию.

– Если сильная, это хорошо, – произнес мужской незнакомый голос, – тебе такая как раз подойдет.

– Ещё как! – воодушевилась женщина, её потемневшие, будто искусанные губы, сложились в подобие улыбки. – Столько нерастраченной темной силы... а эта дуреха даже пользоваться, как следует, ею не умеет.

Женская рука с тонкими нервными пальцами ласково перебирала Людины волосы.

– Но волосы стали менять цвет, а это значит повелительница её благословила, – неприятное хихиканье.

Женщина вызывала отвращение, то ли запахом мертвечины, который исходил от неё, то ли странным голосом, что будто бы доносился из самой могилы. Вообще, её раздражала и пробуждала омерзение каждая мелочь: камера – холодная и сырая, словно затопленный склеп, люди, которые на людей слабо похожи, их хозяйка и вовсе от человеческого существа была далека, если в этом её теле и теплилась жизнь, это было больше похоже на существование оживлённой куклы.

– Что с ней делать дальше? – мужской голос подручного, ещё принадлежит человеку, хотя каждый вздох и сопровождался костным скрежетом зубов.

– Пока ничего, – хозяйка подземелий встала и направилась к выходу.

Нет, определенно, Людя её знала. Видела, даже. Просто не в таком обличье, в каком эта женщина была сейчас – длинные седые волосы, выпадавшие из капюшона, тощие длинные пальцы с нестриженными ногтями и лицо – маска смерти.

– Всматриваешься? – обратилась хозяйка подземелий к измученной девушке, когда заметила, что жертва не отводит от неё взгляда. – Что ж – смотри.

Женщина подошла к факелу, который находился в руках сообщника.

– Хозяйка, может не стоит...

– От чего бы не удовлетворить любопытство? – насмешка пополам с ненавистью в мертвом голосе. – Пусть смотрит внимательнее – какую цену мне пришлось заплатить за чужое счастье. Теперь пришло время расплаты, моя дорогая. Увы, сила, что в тебе есть, мне очень понадобится.

Хозяйка усмехнулась покрытыми струпьями губами, ослабив желтые зубы. Тут, будто сильный удар сломил её пополам, она застонала, схватившись за полы плаща на груди. Костлявые пальцы выудили из складок одежды стеклянную флягу, вливая густую жидкость в жадно открытый рот. Слуга услужливо придержал обмякшее тело за плечи, пока к нему не вернулось прежнее сипящее дыхание. Вытянутая маска опять ослабилась, будто ничего и не случилось.

– Осталось дожидаться Тьмы, что придет на землю в последний день года. И моя месть, которой я так долго ждала, свершится.

С этими словами она удалилась. Подручный, бросив на Людю подозрительный взгляд, вышел вслед за хозяйкой.

Да, сгори оно все синим пламенем! Сил кричать у девушки не было. Ей хотелось выбраться отсюда, да зелье, которым её поили насильно, обездвиживало её тело. Домой! Но дома у Люди не было...

Легкая вспышка воспоминания. В памяти возник образ конопатой тощей девчонки, которая то бранится, то плачет. В груди всё же потеплело, там – в той прошлой жизни ещё были люди, которые беспокоились о ней, ждали и переживали за неё. Из глаз полились слезы бессилия и отчаяния.

Вернется ли она, когда-нибудь домой? Посмеется вместе с Гинтой или поругается с Ютасом?

Ютас...

Вот же, скотина! Оказался целым королём! Тогда Людя не жалела слов, не скупилась в выражениях, когда высказывала, ему все, что думала. А он такой грустный, глаза такие синие...

Кто сказал, что король женится на простой прислужнице? Но он ни разу не воспользовался её доверчивостью и своим положением. Кто же он, честный дурак или прекрасный подлец?

Все же, хочется домой даже тогда, когда дома нет. Но кто знает, может именно в доме, которого нет, тебя ждут сильнее всего...

– Я очень рад тебя видеть! – наедине Витгерд не скрывал эмоций. – Но, что побудило тебя вернуться так быстро? Я, по правде сказать, только начал мириться с тем, что остался в одиночку противостоять своим достопочтенным лордам на Совете.

Король блефовал совсем немного, но в этом угадывалась его хулиганская натура. Майло тоже был рад видеть племянника. Очень рад. Оказавшись на родине, он понял, что именно здесь он на своем месте, пусть даже ему придется столкнуться снова с Гинтаре.

– Дядюшка, – заговорщицким шепотом молвил Витгерд, – не прояснишь ли ты мне ситуацию, кто та леди, которая, по слухам, явилась с тобой?

Где-то внизу, за высокими каменными стенами, тонкими серебряными голосами пронзительно запели колокольчики на стылом ветру. Оба они выглянули в окно, выходящее на коро-

левский сад, погруженный в глубокий белый сон. Даже в таком умиротворенном состоянии он производил впечатление одинокого острова, куда можно сбежать и забыться от всех проблем и невзгод. Может, поэтому в нем так любили совершать прогулки романтические барышни даже зимой.

Майло мотнул головой, прогоняя видение рыжеволосой девушки в метели, и скрипнул зубами – легенду придется сохранить, а вот объяснится с королем он потом, когда точно убедится, что они с Витгердом остались наедине. Слишком много ушей имеется в закоулках старого замка, и уши эти вырастали из самых неожиданных углов.

– Со мной приехала Лейда Гамильтон, леди Хенсли, – сдержанно пояснил канцлер, – я должен буду тебе многое объяснить, но предупреждаю сразу: леди Хенсли – теперь моя нареченная.

Витгерд присвистнул от изумления и, отвернувшись от окна в упор посмотрел на канцлера.

– Ну, ты даешь, дядюшка! Нельзя тебя отпускать ни на минуту, вот уже и дамой сердца обзавелся. Неужели ты расстался с тем аметистовым кам...

– Ты же знаешь, – Майло раздраженно дернул плечом, все же эта тайна его здорово тяготила, – ивелессы более продвинуты в столь сокровенных вещах, нежели скромные и консервативные латгельцы. Так что, пока прекрасную шею Лейды ничего моего не украшает, кроме драгоценностей её, безвременно почившего, супруга.

– Все так серьезно! – не очень радостно, для столь знаменательного события, усмехнулся молодой человек. – Предлагаю устроить в честь твоего возвращения бал, соответственно, на нём и объявить о твоей помолвке.

– Мне кажется, с этим можно и повременить, – при мысли о подобном Вардас даже поморщился, – я б не стал спешить с утверждением официального статуса, да и не до увеселительных мероприятий сейчас.

– А до чего? – на этот раз Витгерд стал серьезным и сосредоточенным. – Людям страшно, особенно перед предстоящими... зимними праздниками.

Да, народу было чего бояться ввиду произошедших событий.

– Я говорю о предстоящем затмении, если ты не понял, – монарх покосился на задумчивого канцлера.

– Ты родился в затмение, – констатировал Вардас, – скоро твой день рождения, вот можно и организовать зимний бал, в честь грядущих событий...

– В честь Конца света?

– Неужели ты боишься? – Майло, впервые за все время, внимательно посмотрел на племянника.

– Нет! – довольно поспешный и резкий ответ короля сказал всё.

– Ты страдаешь, – догадался лорд Вардас, которому вдруг стало не по себе. С юного возраста он всегда поддерживал мальчика, а в самый ответственный момент оставил.

– Не смей винить себя! – жестко сказал Витгерд. – Все, что ты сделал – было правильным.

Молодой человек снова отвернулся к окну. Что-то привлекло его внимание, какое-то цветное пятно выпорхнуло из-за беседки и снова затерялось между стволов тисовой рощи. Там, среди укрытых снегом деревьев, мелькала длинная тонкая фигура в бордовом плаще. Леди Хенсли любила выделяться везде и во всём, даже среди опустевшего спящего сада.

– Пора ставить всех стервятников на место. И, если они всегда считали, что ты вытираешь мне сопли, то теперь, подозреваю, их мнение сильно изменилось.

– Я рад за тебя, но думаю, что это был неподходящий момент для отъезда! – продолжал каяться Майло.

– Надо бы уже научиться самому управлять в государстве без подобной поддержки. Ведь ты понимаешь – рано и ли поздно, это случится – я останусь один, поэтому тщательно готовил меня. Я тебе за многое благодарен, дядя. За всё!

Витгерд развернулся к Майло и в упор посмотрел родственнику в глаза.

– Но я буду тебе еще больше благодарен, если ты сам перестанешь воспринимать меня ребенком и действительно перестанешь нянчиться со мной.

– Похоже, кто-то забросил свою дуду! – рассмеялся канцлер. – Вряд ли, все это время ты мог на ней играть, от того стал таким напряженным.

– Нет, дядя, – в голосе племянника слышалась твердость, и все же он страдал. – Мне просто не для кого было играть.

И король, и канцлер замолчали, наблюдая за гуляющей по саду Лейдой, как за порхающим диковинным мотыльком, который умудрялся находить под снегом отмершие цветы. В руках женщины собирался весьма необычный букет. И короля, и канцлера одолевали одинаково мрачные мысли.

– Ты нашел хоть что-нибудь? – первым не выдержал Витгерд.

Майло огляделся, сильно подозревая, что в королевской приемной достаточно сторонних ушей для того, чтобы разговор не стал конфиденциальным. А у канцлера было, что сообщить племяннику. Всё же поход в секретный архив Ивелесса не прошел бесследно.

– Совсем немного, – нарочито спокойно произнес Вардас, – ты же знаешь, мы не особенно ладим с Лотроком, чтобы наши взгляды и мнения хоть в чем-то сошлись.

– Выходит, всё впустую? – разочарованно произнес король. – Жаль! Это был последний шанс, хоть что-то выяснить.

– Я выяснил, но немного. К примеру, в свое время, мне удалось раздобыть историю той похищенной девушки.

– Люди?

– Да. Ты знаешь, – рассмеялся Майло, – она довольно занятная особа.

– Конечно! – согласился государь, принимая правила игры, изображая увлеченного простака. – Она очень хороша! В ней масса добродетелей.

– Не то слово! Оказывается, она весьма добродетельно чуть не проломила своему опекуну череп. Ты знал её историю?

– Нет. Она ничего, практически, о себе не рассказывала.

– Витгерд, ты знаешь, я сделаю все возможное, чтобы её найти...

– Я понимаю, дядя, все понимаю. И... скажи – у тебя точно все серьезно с этой леди?

Канцлер напрягся, но правду пока сказать не мог, и не потому, что не доверял королю. Лейда, навязанная ему Лотроком, как ярмо, нужна была для работы, хоть она явно не скрывала своего интереса к Майло и даже питала надежды, отказываясь исполнять только роль прикрытия. Это было, конечно, на руку самому Вардасу, но порядком утомляло. Да и не собирался он обнадеживать женщину пустыми чаяниями её и, без того, любвеобильного сердца.

– Просто мне казалось, что тебе нравится Гинта, – продолжал рассуждать молодой король.

– Кстати, как поживает твоя добрая знакомая? – Майло боялся называть её имя, чтобы не разбередить свою рану, но не узнать о ней он не мог.

Витгерд внимательно посмотрел на канцлера, будто бы размышляя как подать историю.

– Лорд Сарф отправился путешествовать в Саурос.

Что ж, это было неплохо – значит магистр внял предположениям, и отправился проверять теорию, которую Майло успел изложить наставнику ранее в письме.

– Какие-либо вести от него поступали?

– В том-то и дело, – вздохнул король, – что от него нет никаких вестей вот уже две недели.

– Вероятнее всего, он поглощен расследованием, – выдвинул предположение Майло, хотя тень тревоги успела коснуться его лица, – у его дочери не спрашивали? Возможно он поддерживает вестовую переписку с девушкой.

– Сомневаюсь, – скептически заметил Витгерд, – как раз-таки, Гинтаре он взял с собой.

В этот момент Лейда заметила в окне лорда Вардаса и помахала ему рукой с, зажатым в ней, букетом абсолютно мертвых роз. Только Майло даже не видел этого трогательного приветствия.

Это было нечто с родни королевскому балу, только без короля. Зато пафосом, поди, переплонули даже приёмы во дворце у Лукрецию Дардас с её папашей. А уж наряды-то, наряды. По словам местных леди – все было пошито по последней столичной моде: жемчужные нитки на всех оборках, вычурные воротники, удушающие своих носительниц, и даже пышные перья, торчащие из самых неожиданных мест. Вот только я никак не могла припомнить даже намёк на такие фасоны в Дейделисе, хоть и не так уж долго в нём провела, но, возможно, она попросту туда еще не добралась из-за местных выбоин и ухабин. Надо будет указать столичным модницам на их отсталость и недалёкость. Хотя, я сомневаюсь, что Лукреция одобрит нечто подобное себе, только саурского разлива.

Этела Вакерас сопровождала меня везде и всюду с презиравшим взором. Да что ж такое-то?! И ведь лично ей я даже гвоздика в сапог не подкинула, хоть и очень хотелось, после всех тех гадостей, которые она мне наговорила по утру, опорожнить в её обувь целое ведро булавок.

До чего же девицы дурными делаются, когда дело касается их места под солнцем, ну, или подле даже не принца, а местного князька – заносчивого и самовлюбленного, но зато наследника состояния. А как же любовь? Только в светском обществе именно такая сердечная тяга к благам земным и считалось любовью. Куда уж мне с наивной деревенской куртуазностью?

Да-да, это батюшка так выразился, не я.

Уж больно страдала несчастная княжеская зазноба, что молодой князь вознамерился полезть ко мне с лобзаниями на виду у всей свиты. А получается, что первой полезла я, и, как будто бы не было того, что князек этот собирался богам душу отдать.

Еще ранним утром, не успела я толком отойти от изнуряюще-исцеляющих манипуляций, что произвела накануне с двумя оленями: с одним благородным и вторым – не очень, как в комнатнушку, которую мне выделили в доме Савра, ворвалась эта самая Этела. Без стука. Оно и понятно, зачем же ясновельможной леди, стучаться к дочке заезжего лекаря. Я ещё усиленно протирала глаза, пытаюсь сообразить, куда это меня занесло, а леди, тут как тут, презрительно кривит губку.

– Надо же! – заявила чернобровая красавица с порога. – Всяко, наглых девок видывала, но такую нахапку ещё поискать!

– И вам доброе утро! – натягивая повыше одеяло, вежливо поприветствовала я недовольную деву. – Чем же я умудрилась вызвать ваше негодование?

– Чем?! – она был не просто раздражена, а в ярости. – Ты еще и спрашиваешь? Думала, раз околдовала молодого князя своими поцелуями, он теперь тебя в жёны возьмет?

Я раскрыла глаза пошире и рот, для пушей наглядности:

– О-о, об этом я и мечтать не могла! Как это правильно выразиться: не очень-то и хотелось!

– Я, таких как ты охотниц за наследниками, за версту вижу! – продолжала негодовать, по всей видимости, не выпавшаяся леди. – Думаешь, ты первая?!

Да, такие приступы гнева вполне могут быть вызваны недосыпанием и плохим питанием. Прописать ей, что ли, на правах дочки лекаря, лечебной оплеухи – одной будет вполне достаточно! Благо девица была одна и пока безобразную сцену никто не оценил. Надо же, в столице все ходят с задранными кверху носами, и тут – те же манеры. Но и, к чести молодой дворянки местного разлива, изъяснялась она, хоть и весьма эмоционально, но довольно сдержанно в

пронзительности голоса, чем уберегла мои виски от окончательного раскалывания на мелкие кусочки.

– Учти, мерзавка, я за тобой слежу! Не надейся, что после твоих мерзких ритуалов молодой лорд Сарв бросит меня и женится на тебе – приبلудной оборванке. Мы обручены не первый год, знаешь ли, такой занюханной простолюдинке не встать между нашими чувствами.

Ах, вот оно что! Леди испугалась за свое положение и статус, причём уже не в первый раз. Довольно плохо, значит, у них тут с любовями, раз так она печётся за жениха своего, который поди мурыжит её не первый год обещаниями, скача бодрым зайцем из одних девичьих покоев в другие. Сама вон уж давно не первой свежести девица, а всё в невестах.

– К сожалению, леди всё не правильно поняла... Если леди на такое способна...

– Ещё ты поговори у меня! Не смей и рта раскрывать в моем присутствии или присутствии молодого лорда! Изведу...

Последние слова она просто прошипела, ретируясь из моих скромных покоев, не сводя с моего ложа колючих голубых глаз. Меня словно ушатом студеной воды окатило, чужая глупость и ненависть мерзким осадком осели на душе. День не задался с начала. Хотя, по понятным причинам, я и так от него не ждала ничего хорошего.

Ведь «Людей» батюшка назвал меня не спроста, ой не спроста. Дать мне имя пропавшей подруги – только глупец поверил бы в случайное совпадение. Но кто в этой глуши должен понять такой намёк? Дурные дела здесь происходят. Да ещё молодая дворянка простую простолюдинку извести грозит с особым тщанием.

Вскоро в моих покоях появилась очень молоденькая горничная – совсем еще девочка.

– Простите, госпожа! – всплеснула руками юная прислужница. – Не доглядела... не добежала! Обычно молодые леди любят спать до самого полудня, их не добудить. А тут – неслыханное дело – леди Этела вознамерилась перепугать всех в доме своим ранним подъемом! Да и кто же знал, что леди вознамерится бродить в этом крыле дома – ни свет, ни заря.

Я только вздохнула.

– Уж больно она боится потерять статус невесты, – невесело промямлила я.

– Ды кто ж её лишит? И так всем известно, что молодой лорд её за долги свои высватал, а сам-то особым желанием жениться не горит – это батюшка его заставил. Кажись, господин в узду впрягаться даже не планирует. Хорошо ему и без жены нынче живется!

– Почему хорошо? – с языка вопрос сорвался сам, видимо, я еще до конца так и не проснулась. Но, вроде эта леди не настолько страшная, чтобы не жениться. Должна же быть причина.

– А как же! – девчонку было не остановить. – В поместье вся Сауросская знать собралась, дочек своих понапривозили, в надежде высватать получше. Леди Вакерас в бешенстве, того и гляди жених с крючка сорвется.

– Но ведь у лорда Савра перед нею обязательства, – пора было прийти в себя и бежать искать батюшку, было бы неплохо получить от него кое какие объяснения.

– Обязательства то да, но возраст, поди, у леди вот-вот... – тут девица лихо подмигнула мне, от чего я еще больше запуталась в перепитиях Этелиной судьбы, – уже не подойдет для марьяжу, а молодому хозяину только этого и надобно. И денег с него никто не требует обратно. Леди эта останется ни с чем. Зато у господина другая появилась на примете.

Дурь какая-то. Только сия история всколыхнула в памяти, очень-очень давнюю историю...

– Ну что, госпожа? – голос служанки сорвал только-только оформившееся воспоминание.

– Давайте соберу вас к завтраку. Где трапезная я покажу.

Есть не хотелось. Но стоило отыскать батюшку, с ним надо было срочно поговорить.

Глава 4

В трапезную идти не хотелось. Никак.

Хотелось сбежать из этого места подальше, не взирая на мороз и холод. Но раз мы здесь, значит так угодно богам, и придётся мириться с местом своего сегодняшнего расположения.

– Э-э-э, – проблеяла я, когда прислужница вознамерилась меня сопроводить в трапезную, – а можно ли мне не спускаться вниз в общую залу.

Девушка выпучила на меня глаза так, что я уж грешным делом решила, будто бы у меня, и правда, на лбу прорезались рога, раскидистые такие, с кренделями да пряниками.

– Я вполне могла бы перекусить на кухне, – все ж я, как-никак, дочка лекаря – девушка простолюдная и застенчивая. Разумеется, вслух я этого не сказала. – Здесь столько благородных господ с их благородным видом и этими... гангренами, то есть – манерами, на кухне было бы как-то поспокойнее.

Ага.

Там явно не будет убийственного взгляда леди Этелы, от которого не то что кусок в горло не полезет, а сердечный приступ приключится может. Да и в компании слуг будет гораздо приятнее есть хоть чёрствую краюху, хоть словом перекинуться. Из простых людей можно было бы вытянуть что-нибудь полезное.

– Вы что это?! – вдруг вышла прислужница из ступора, теребя чистый передник. – Вас одну там все ждать заждались! Это же приказ старого лорда!

– Какой... такой приказ? – внутрь прокралось недоброе предчувствие, аж руки похолодели.

– Не есть, пока вы не явитесь! Так что никакой кухни – сразу к столу.

И зачем, спрашивается? Не в качестве ли главного блюда? Теперь нормально не поешь под взглядом всех этих господ.

Не обращая никакого внимания на мое нежелание, меня тут же схватили под руку и поволокли в направлении залы.

– Послушай, а ты не видела, часом, моего батюшку л... – тут я осеклась, чуть не было е опростоволосившись, все же лазутчица из меня никакая, – лекаря Раске.

– Людвика! – от возгласа, как и от имени меня передернуло. – Дорогая! Мы невероятно рады вас приветствовать!

А я невероятно рада была бы не встречаться с вами никогда. Навстречу мне поднялась туша, сродни кабаньей – о нет, то был не кабан, а сам лорд Савр. Правда, если бы не его способность к прямохождению, то, чтобы уподобиться свирепому лесному вепрю, ему стоило только встать на четвереньки.

– С-спасибо! – я поклонилась, благо кланяться у меня получалось лучше, чем отбивать реверансы, да и так хорошо получилось спасти свои глаза от вида распухшей лоснящейся физиономии. Ну, это же надо, каков экземпляр! Вот чья голова достойна покоиться на стенах охотничьей залы королевского дворца. А если ещё и с яблоком во рту – я чуть не прыснула. – Право же, я глубочайше польщена.

– О, не стоит, дитя мое! – лорд Свин, тьфу ты... лорд Савр осклабился в доброжелательнейшей улыбке, от которой, почему-то, побежали табуном мурашки по спине. – Это для меня честь, как и для всех здесь собравшихся, иметь возможность сидеть со жрицей Живы за одним столом.

Лорд многозначительно посмотрел на своих гостей и все дружно заулыбались и закивали в ответ. Мне стало не по себе. В королевском замке мне, и то, так дурно не было от огромного скопления народу, как здесь коробило, словно меня в бочку со змеями законопатили. Даже,

полный желчи в синих глазах, взгляд Этелы меня не раздражал, нежели «милые, приветственные улыбки» собравшихся.

– Я всего лишь искала батюшку, – пролепетала я, изображая кроткую лань.

– Батюшка ваш исполняет одно из моих поручений, – самодовольно заметил боров, то есть лорд.

Да, что же такое?! Только, когда для меня закончилось это тушевое затмение, я оценила вычурность золочёных подсвечников, и то, что весь зал был увешан головами животных, а прямо над креслом хозяина, красовалась голова огромного вепря. Похоже трофей, который достался лорду Савру на охоте когда-то, очень повлиял на внешний вид самого охотника. А возможно и на характер.

– Он недалеко, здесь, в селении, а вас перепоручил моим заботам, – лорд Савр помог мне усесться за стол, – вечером в усадьбе ожидается торжественный прием в честь того, что вы спасли моего сына.

– Я? Но... позвольте, я не сделала ничего такого, что было бы невозможно для служительницы Живы!

Нет, нет, нет!

Приемов с меня достаточно. Еще при королевском дворе хватило с гаком этих развлечений, когда вокруг столько придирчивых взглядов, что голова идет кругом. А местные обманутые невесты меня со свету сживут, не доходя до покоев. Вот леди Вакерас от злости вилку в свой кусок запеканки уже раз десять воткнула по самую рукоятку, а всё только нижнюю губу грызёт, того и гляди, прогрызет в столе дорожку прямо ко мне, чтобы впиться в горло.

Жуть.

А вот, кстати, молодого Савра видно не было, не сидел он за общим столом и благодарить меня не спешил. Оно и к лучшему. Мне его лобзания до сих пор с содроганием вспоминаются, а терпеть ещё и за завтраком припомнились, и без того желудок едва сдерживается, чтобы не отозваться на все эти странноватые полуулыбки, полувзгляды.

– Расскажите о себе, дорогая, – обратилась ко мне одна из дам преклонных лет, которая изящно кушала и при этом умудрялась вести непринужденные беседы за столом. У меня так, при всем желании, не получалось, тут нужна была какая-то особая добродетель – с набитыми щеками вот так слова правильно складывать. Обычно, еда во время болтовни умудряется вылетать изо рта, практичные тётки вздыхали и посоветовали либо не есть, в таких случаях, либо сидеть молча. И то и другое у меня неплохо получалось совмещать. Тут придется, видимо, просто не есть.

– Обо мне нечего рассказывать, – понурила я скромно взор в пустую тарелку, – матушка моя умерла, мне совсем мало лет было, а батюшка не умел с ребенком малолетним обращаться, да и уезжать ему приходилось по долгу службы далеко и надолго.

Ещё заранее оговоренная, легенда дается легко и просто, к тому же сама история почти правдива. Но, только, почти.

– Вот он меня в Обитель и отдал, в надеже, что я там многому научусь и, при этом, буду под присмотром.

– О, бедняжка, – сочувственно посмотрела на меня дама, – так, значит, совсем сиротка.

– Э-э... ну, да, – выдохнула, вспоминая Легарта и тёток. Интересно, случись чего, снарядился бы кузен меня искать? – Кроме папы, родственников у меня больше и нету.

– Как печально, – леди захлопала глазами, готовая вот-вот заплакать от сочувствия, только в тоне, от чего-то, слышно торжество стервятника. Да-да, именно стервятника, обрадованного, легко доставшейся, добычей.

– Дорогая Людвика, – опять осклабился лорд Савр, обращаясь ко мне, от чего, я чуть было, не поперхнулась пригубленной водой, – мой сын, к сожалению, не может присутствовать сейчас за столом, и выразить всю свою благодарность и почтение. Но...

Он снова посмотрел на остальных своих гостей и те замерли в немом ожидании чего-то.
– Вечером состоится праздник в честь того, что мой сын так отличился на охоте.

А я уж было подумала, что честь его спасительницы. Какое горькое разочарование.

– Вы на вечере остаетесь почетной гостьей, ведь благодаря вам этот оболтус и по совместительству – мой единственный наследник – остался жив. Удовлетворите наше приглашение своим присутствием, будьте добры. Мы стараемся вас отблагодарить за то добро, что вы для нас сделали.

– Х-хорошо, – отказываться было не вежливо, да и выбора у меня не было. Что-то взгляд лорда подсказывал, если я не явлюсь на вечер сама, меня явно притащат.

– Но я не согласна! – это, наконец, не выдержала Этела. – Это она сама оленя околдовала, чтобы тот на людей кидался.

– Замолчи, – лорд произнес это так спокойно, что кровь застыла в жилах, – к тому же ты дашь девушке одно из своих платьев.

– Что?!. – казалось из леди весь дух вышибли, – это немыслимо!

– Немыслимо твое поведение, дорогая, – обратилась к ней та самая пожилая леди, что учинила мне допрос, – именно ты кричала громче всех, чтобы твоего жениха срочно спасла эта девушка, а теперь ты громче всех возмущаешься. Надо было действовать самой. Пустить в ход, к примеру, манеры и своё очарование.

Этела промолчала, поджав губы, она посмотрела на меня отменно ненавидящим взглядом. А старая леди вежливо улыбнулась так, что я пожелала скорее оказаться, где угодно, только не здесь.

Из трапезной я улепетывала на всех парах, расправив крылья отвращения. Желание оказаться в собственных покоях в одиночестве было непреодолимо. Поскорее сесть и обдумать всё в одиночестве. Ещё и батюшка пропал, будь он не ладен. Притащил меня невесть куда, а сам исчез. Мужчины просто поражают своей невероятной ответственностью.

Легарт, который выдернул меня из привычного мира, и швырнул в объятия высшего общества, где меня приняли столь «любезно», что до сих пор потряхивает. Сам же кузен на радостях, что сбыл меня, хвостом своим рыжим накрылся и затаился. Боится, видимо, что меня ему обратно вернут, да ещё денег потребуют.

Майло, запудривший мозги своими притязаниями на мое сердце, в результате получил желаемое. Перед ним, разве, устоишь? А затем ретировался из моей жизни еще стремительнее, чем кузен, потоптавшись на последок по тому, что лежало у его ног – по моему сердцу, после чего еще и изрядно плюнул в душу.

Батюшка. Иногда я задавалась вопросом: зачем ему вообще нужна была я? С такими успехами в общении с единственной дочерью, лорд Сарф мог и дальше спокойно проживать свою, и без меня довольно насыщенную, жизнь. А его отношение ко мне напоминало больше тяготение никчемной бездарной родственницей.

Вот и получается, что самым заботливым человеком всегда был вайдил Фьерн, при мысли о котором больно сдавило грудь. Выходит, что самые лучшие уходят раньше, чем их готовы отпустить.

От горьких воспоминаний захотелось криком кричать.

Однако только я вознамерилась отдать мысленную дань памяти безвременно погибшему, во имя моего спасения, наставнику, как оказалось, что в покоях меня ожидают.

– Госпожа! – обратилась ко мне та самая болтливая девица, что помогала собраться к завтраку. – Приказ лорда – подготовить вас к предстоящему празднику как следует.

– А можно я как-нибудь сама подготовлюсь? – пролепетала я, пятясь обратно к выходу из покоев.

– Нет! – меня обступили другие служанки, отрезая путь к побегу. – Приказы лорда не обсуждаются.

– Но... я не хочу! – только мои желания мало, кого интересовали. Меня потащили к огромной лохани, которая появилась тут, очевидно, пока я пыталась изобразить умение вести беседы за завтраком, и стали настойчиво снимать одежду.

От смущения я даже пробовала сопротивляться, но это было бесполезно – меня раздели и запихнули в лохань насильно.

Сказать, что мне это не нравилось, ничего не сказать. Этак могут и в чужую опочивальню затащить под шумок!

И куда подевался мой отец? Что он себе думает?

Прислушавшись к внутреннему голосу, поняла, что он вопит от беспокойства. Значит, начавшаяся череда неприятностей – только начало.

От трав, добавленных в воду, меня стало клонить в сон. Только не это! Меня мылили, терли, поливали, влезли в волосы и стали перебирать прядь за прядью мои кудри.

– Волосы роскошные, – восхищенно прошептала одна из служанок.

– Пошевеливайся, давай! – оборвала её главная девица – всё же не увязывалось с ней кое что. На вид ей было мало лет, ещё меньше, чем мне, а вела она и говорила так, будто была взрослой и явно не худородного происхождения.

Любовница? Слишком молода, но это ни о чём не говорит. Кто знает этих господ с их извращенными фантазиями.

Внебрачная дочь? Разве послал бы отец даже пусть и внебрачного ребенка на самую черную работу? Но неожиданно пришел на ум собственный батюшка... послал бы еще и как. Хоть в полойке, хоть в каменоломне. Батюшки – это вам не матушки, у них свои методы воспитания дочерей.

Меня все больше и больше клонило в сон, то ли от трав, которыми была щедро сдобрена вода в лохани, то ли от того, что мне стали промывать каждый волос на голове, и это ужасно расслабляло. Но голоса стали доноситься, как будто издалека, а я все больше и больше погружалась в глубину...

– Какой у неё ужасный шрам на груди, – слышалось откуда-то сверху, – еще даже не зажил полностью.

– Ей, наверное, невероятно больно...

Ещё как. Каждый день, каждую минуту я испытываю из-за этого ожога боль, но еще большую боль приносят воспоминания...

– Разве у жрицы, которая сумела исцелить смертельное ранение нашего господина, может быть такая рана?

– Может... – даже сквозь пелену надвигающего сна, узнаю голос юной прислужницы.

– Может, если рана была нанесена магией...

Она... она слишком много знает о таких вещах – мысль, как одинокий мотылёк, мечется у огонька затухающей свечи, и я окончательно отключаюсь.

– Госпожа. Госпожа! – кто-то беспардонно толкал меня в бок. – Вставайте, уже пора!

– Что?! – я вскочила, как ошпаренная и огляделась вокруг, оказывается я лежала в постели и, по всей видимости, давно, потому что за окном сгустились сумерки.

– Как я здесь оказалась? – медленно уточнила все у той же бойкой девицы, что прислуживала мне утром.

– Так, после того, как в воде вы уснули, мы перенесли вас в простыне, – скоро ответила служанка, – на перину уложили вот...

Она рукой указала на развешанный в покоях ворох ткани.

– Это ваш наряд на сегодня, – пояснила служанка.

– А это не слишком... э-э... пышно? – уточнила на всякий случай, а то, мало ли, может мне привиделось, и как только это окажется на мне – всё сойдётся и разгладится нужным образом.

Боги, о чем я думаю?

Шум в голове не давал сосредоточиться на необходимых вещах. Мне надо прийти в себя поскорее, вырваться из этого полусонного состояния. Если попросить служанку залепить мне пощёчину для скорого пробуждения, она может и сделает это с удовольствием, но явно заподозрит в странной гостье склонности ко всяким необычным развлечениям. Так что придётся щипать себя саму, и лучше мысленно.

Меня одели в пышное безобразие. Похоже, вычурный наряд – был мстью Этелы за её утренний позор.

И где отец, наконец?

В зеркале я рассмотрела безразличную разряженную куклу. В глазах пустота, на лице ни грамма эмоций.

– Пора! – после того, как осмотрела меня с ног до головы, довольно хмыкнув, заключила служанка.

И меня повели...

Это ужас, когда собственное тело – твоя тюрьма, а душа в нем безмолвный пленник. Меня ввели не в общую залу, как полагается во всех цивилизованных домах. Наша небольшая процессия стала спускаться вниз по выщербленным и стёртым ступеням, всё ниже и ниже. Я по-прежнему послушно следовала за ведущей и направляющей меня «свитой».

Да куда я попала?!

Мы оказались в подземельях. И не удивлюсь, если здесь у предков лорда Савра были не просто камеры, а пыточные. В одной из камер был сооружен алтарь, причём не для поклонения всевышнему, во главе которого стоял сам лорд Савр, по правую руку от него застыл с чуть вздёрнутым подбородком, будто и не был одной ногой в мире духов, его сын. Яркий свет факелов бросал острые тени на личины всех остальных гостей. Все стояли молча, в предвкушении чего-то грандиозного. Только Этелы нигде не было видно, и это очень меня беспокоило.

– Подойди ко мне, дитя моё! – обратился ко мне хозяин, я не смела послушаться. То, что подмешали в воду купальни или еду, дурманило мой разум и связывало невидимыми путами всё тело, подавляло волю и заставляло повиноваться этому человеку.

– Господа! – зычно крикнув, продолжил вещать лорд Савр. – Сегодня мы собрались в честь невероятно-знаменательного события! Мы долго ждали и дождались. Наконец нам невероятно повезло, и нити судеб мира сплелись для нас в прочную верёвку предреши́нности.

Сколько пафоса-то в речах. Слушать тошно!

– Сегодня в ночь спящей луны, с благословения повелительницы, свершится обряд, которому суждено перевернуть наше представление о жизни и смерти, а точнее – о бессмертии.

Ох, и недобрым всё это пахло, если где-то говорят о бессмертии, значит, точно будут кого-то убивать. А молодой лорд Савр заметно нервничал, он переминался с ноги на ногу, пытался сдержать дёргающуюся щёку.

– Как все вы стали свидетелями чудесного исцеления моего сына вчера, так я хочу, чтобы вы запечатлели нынешнее событие в своей памяти и сердцах. Венчальный обряд между моим наследником и девой, что способна подарить ему жизнь на долгие годы.

Тут засуетилась моя служанка. Она подбежала к своему хозяину и что-то прошептала тому на ухо. Выражение на лице лорда Савра сменялись от хмурого недовольства до великого удивления.

– Говоришь, отмечена? – переспросил старый лорд.

Неожиданно, оживился его сын.

– Отец, просто отдай им девчонку, и все, только пусть сперва покажет свои фокусы для Этелы, – процедил он сквозь зубы, – для чего все эти жертвоприношения? Хозяйка будет недовольна твоему самоуправству, что и говорить, она в порошок нас сотрёт. Какого йодаса я должен сворачивать шею за твоё тщеславие?

– Идиот, твоя невеста бесплоднее солончака, и не сможет зачать, даже если провести тысячу обрядов исцеления.

– Это была твоя идея – сосватать богатую наследницу, – похоже, молодой лорд был не особенно воодушевлен идеей жениться на бедняжке Этеле, – вечная твоя жадность до денег и до обрядов.

– Прекрати истерику, идиот, – а лорда-кабана так просто не проймешь. Теперь свинская натура проявилась в нём во всей красе: глаза налились кровью, а в уголках рта появилась пена.

– Послушай, достаточно этого фарса... отец... у нас уже неприятности!

– Да, что ты за слабак?! – лорд Савр схватил за шиворот собственного сына. – Всё ради тебя – дурака!

– Милорд! – первой не выдержала та самая леди, что расспрашивала меня за завтраком. – Возможно, достаточно будет обойтись простой жертвой во время венчального обряда?

– Не беспокойтесь, леди Турла, – отец отпустил сына, от чего тот рухнул в объятия старика Баркуса, который маячил за его спиной. – Всё готово для обряда. Ведите жертву.

Да что же это такое?! От того, что я сопротивлялась дурману, тело стало слабеть, а ноги подкашиваться. И, тем не менее, я не сдвинулась с места, когда меня потащили к алтарю.

– Она сопротивляется! – недовольно проворчала эта самая леди Турла, поглядывая в сторону служанки. – Ты плохо поработала с ней!

– Я влила достаточно в лохань порошка этого вашего! – стала оправдываться девица. – И волосы ей облили той же гадостью!

– Но она не полностью находится под воздействием зелья!

– А при чем тут я? Всё что могла, я сделала, а вот приправить завтрак для гостей – было вашей заботой, – ядовито шептала девица.

– Заткнись, дура! Ты не справились с работой, за это придётся ответить своей жалкой шкурой.

Очень хорошо! Ругайтесь, дамы, ещё и в волосы друг другу вцепитесь что есть мочи. Столпившиеся у стен господы стали недоуменно переглядываться, выказывая недовольство происходящим представлением, и тоже загомонили. Сперва в полголоса. А потом и перекрикивая друг друга. Возникла небольшая сутолока и замешательство, которое могло подарить мне спасительную отсрочку.

Искра... хоть одна маленькая искорка...

Кто-то схватил меня за руку и поволок в противоположную сторону от спорящих участников обряда.

– За то, что ты меня спасла, я отплачу тем же, – молодой лорд старался не смотреть в мою сторону. – Жизнь за жизнь!

Мое тело сильно ослабло от борьбы с собственным духом, сопротивляться уже не осталось сил. Хотелось спросить про батюшку, что с ним, где он? Однако, едва удерживающая меня оболочка, лишь вяло шествовала за молодым лордом Савром. Мимо мелькали стены и проходы, освещенные жаровнями коридоры закончились, и мы шагали в полумраке под скудным светом редких факелов.

– Я выведу тебя к месту, где будет ждать лошадь... Баркус тебе покажет дорогу. Я бы с удовольствием отправился с тобой, малышка.

И тут он посмотрел на меня, да так, что будь у меня возможность, я бы развернулась и бросилась обратно, честное слово.

– Но отец из-за этого быстро нас выследит. Как только я все улажу со старым самодуром, – молодой лорд снова смерил меня своим зеленым взглядом, от которого меня замутило, – сам тебя найду...

О том, что на нашем пути к вечному счастью, прямо сейчас встал его батюшка, я промолчала в силу невозможности, что-либо, вообще, сказать. Старый боров вырос как из-под земли, загораживая весь проход.

– Самодур, значит! – лорд Савр недовольно просверлил сына взглядом. – Что ж, это был твой выбор, не мой.

Нас тут же схватили охранники старого лорда и под белы ручки поволокли обратно. Даже не знала, радоваться этому или плакать.

– Как ты нашел этот проход?! – возмутился мой неудачливый спаситель.

– Ты, и правда, идиот, дорогой мой сын, – спокойно произнес лорд Савр, – в моём доме мне ведом каждый уголок, каждая мышиная нора, каждый вход и выход, наверное, потому что это мой дом!

Он многозначительно посмотрел на сына.

– Тебе бы тоже следовало потрудиться и внять моим наукам, – тут лорд спохватился. – Ах да! Совсем забыл о хорошем нюхе моей Нервы, – тут старик с любовью посмотрел на девицу, крутившуюся подле него, та самая, которая прислуживала мне еще утром, а сейчас взаправдашним котом довольно урчала под ласковым взглядом своего хозяина.

Хорошая магия, толковая, я бы сказала, даже исключительная. А ещё от неё за версту несло некромантией – запрещенной и поруганной магией смерти, которой пользуются последователи богини-отступницы – Гильтине.

– Я не хочу иметь с вашими пристрастиями, батюшка, ничего общего! – дрожащим голосом проговорил молодой лорд.

– Кто бы говорил?

И тут меня втолкнули в камеру.

– Ведь именно это творение твоих рук дело!

Тут было темно, но кое-что я смогла увидеть. Передо мной на крюке висел узник, с которого явно рвали кожу не один час. Меня замутило от ужаса и зверства открывшейся картины. Из груди вырвался немой крик. Заслышав голоса, полуживой страдалец поднял голову. В полумраке пыточной камеры мне удалось рассмотреть его глаза на окровавленном лице. Их ни с чем не спутаешь. Глаза плавленного золота некогда великого рода Сарфов – на меня смотрели, измученные страданиями, глаза моего отца...

Глава 5

В голове сильно гудело. Именно это заставило сознание вернуться в мое тело. Приятностей не добавляла и холодная вода, которой меня обильно окатили. Но уже не было этого скользящего тумана в голове, мысли текли более легко и свободно.

Правда, тошнота была просто ужасной. Желудок крутило от боли. Значит яд все же оказал своё пагубное влияние на внутренности. Вода, которую я пригубила за завтраком. Это же сколько эльфийской пыли они перевели на меня, учитывая, что это весьма дорогостоящее удовольствие?

Эту гадость сложно распознать, как в еде, так и в питье, будь оно не ладно. И почему было не догадаться, что подвох надо ждать со всех сторон! Однако без еды проще обходиться, нежели без питья, а жажда была сильной. У меня же нет опыта потребления столь затейливых порошков.

Хорошо, я – простофиля и абсолютно невнимательная девица, но батюшка же мог догадаться! Сам же меня перед прибытием сюда проштудировал. Нет. Шпионы из нас никакие. А еще говорили, что про Богарта легенды ходят. Такие те и легенды, слишком легендарные и пыльные. А оно, как водится, сказка – быть, али не быть. Вот так и получается – на деле полный провал, и, вышеупомянутый, батюшка – все это время висел напротив меня, подвязанный за руки к пыточному крюку.

Не тело – месиво! На лице живого места нет!

Это что же получается, все это время, пока я там наверху развлекалась, в воде плескалась да, невзначай, эльфийской пылью травилась, его тут мучили?!

Тут, от понимания безвыходности положения и в предвкушении дальнейших событий, неприятные ощущения в желудке сделали свое черное дело, и мой организм больше не желал сдерживаться. Никак. Поэтому все его незамутнённое пищей содержимое вылилось в болезненные спазмы и моё мычание. Видимо, эти излияния были слишком громозвучными – лорд Сарф стал приходить в себя. Даже головой встряхнул.

– Ты... как...

– О... – восклицание получилось довольно вялым и неестественно сиплым. Казалось бы, всего-то нервное потрясение, а я уже разговариваю, как Пикилиха. Ходили слухи, что эта деревенская балаболка, тёща деревенского старосты, могла оговаривать всех своих знакомых и незнакомых целый день, да так, что к вечеру уже хрипела, но всё продолжала свою просветительскую деятельность по выявлению чужих пороков. Однако, было и более прозаичное объяснение.

Пикилиха обладала столь специфическим голосом по одной весьма простой причине – она была не дура выпить, а пила исключительно домашний самогон, после которого прикуривала еще и трубку с чистым табаком собственного производства, выращенным на родном огороде. Нет, тёткой она была неплохой. Работящей и деловитой, но вот голос, после всех возлияний и застольных горопанных песен, надо сказать, был запоминающимся, как и её способность ухлопать за раз огромную баклагу первача, не уступая здоровенным детинам кожемякам, и пойти после мять бока этим самым увальням. Поговаривали, что Пикилиху побаивался муж, но больше всего боялся зять, и не столько её родственных объятий до хруста в рёбрах, сколько возможности выпить с ней за одним столом – угнаться за ней не хватило здоровья даже известному на всю округу выпивохе – её мужу, много лет страдающим из-за этих безжалостных и бесполезных состязаний болью в боку...

Так, о чем это я?

О грубом моем голосе? Но это не беда – сейчас меня огрубят со всех сторон.

– Гинтаре... – позвал отец уже более громко и требовательно.

– А... – снова попыталась хоть слово вымолвить, но сил как-то совсем было мало. – Я тут... со скуки маюсь без приключений на мою голову... батюшка!

Конечно, с последнего всего какой-то месяц прошел – почти целая вечность. Даже забываться стало, каково это быть связанной, скованной и не иметь возможности распоряжаться собственным телом.

– У меня просто... нет слов от радости! Я так привязалась к этому месту, что даже запястья затекли от этих прекрасных браслетов.

И продемонстрировала ему железные цепи, сковавшие мне руки так, что ни одно пламя их не освободит.

– Слушай сюда меня внимательно, – произнес батюшка вполне себе крепким и внятным голосом.

Откуда только силы берутся? Его, поди, зельями не опаивали и в тех самых зельях не купали, заклятие повиновения в волосы не вплетали. Для него обходительность лорда Савра сошла на нет.

– Как только я подам тебе знак, ты освободишься от цепей...

– Интересно, как это...

– Не пререкайся! Слушай то, что тебе говорят...

Очаровательно! Теперь ни за что не поверю, что мы случайно оказались и в том лесу, и на этих землях. Значит всё это – часть одной задумки и одного плана, в котором мне отводилось место приманки в расставленном капкане. Похоже, у всех последователей Брексты нет души и вместо сердца – камень в груди. Не удивительно, что матушка от него сбежала!

Можно было бы и всплакнуть, по поводу своей нелёгкой доли, но этим я вряд ли спасу и себя, и отца из этой щекотливой ситуации с убийцами, садистами и полоумными приверженцами культа смерти... Ну, отец, если выберемся живыми, больше никогда не доверю тебе составлять маршрут путешествия!

– Сегодня ночь Спящей луны! – продолжал молвить лорд Сарфф. – Это лунное затмение – для отступников, это знаковый момент, поэтому от тебя они не отступятся.

– Отец! Нам бы сбежать отсюда... а вы мне о знаковых моментах вещаете. Вы хотя бы предупредили кого-нибудь, куда мы направляемся, чтобы хоть кто-то пришел на помощь? Или портал открыли, на худой конец...

– Я ещё не получил нужные мне сведения, поэтому – не время...

– О! Еще пара попыток и всё? – к своему стыду, я была на грани истерики. – Замечательно! Или уже в ней.

– Вы, если выживите, дайте знать, а я тут трупом прикинусь...

– Гинтаре, – строго произнес лорд Сарфф, – сейчас не время шутить, а ты ведешь себя глупо!

– С чего вы решили, что я могу освободиться от цепей?

– Вместо того, чтобы ребячиться, ты бы послушала, что тебе говорят... – он перевел дух. Так тяжело было батюшке, что я прикусила язык до крови.

Лучше бы я откусила его вовсе, но переживала в этот момент я больше не за себя, а за окаянного лорда Сарффа. Кто его знает, может он претерпевал такие муки, даруя мне лишние минуты жизни.

– Эти цепи старые – железо уставшее. Они легко поддадутся, надо будет их только расколоть...

И остаться без рук – он, правда, все продумал до мелочей. Гений!

– Ты сможешь! У тебя все получится...

– А потом, что будет? – я повернула голову – за дверью пыточной послышались шаги.

– Потом мы сбежим?

– Вы серьезно?!

– Гинта, ты должна их испугать пламенем, они не знают об этой твоей особенности... – отец говорил быстро, но отрывисто из-за ран и кровопотери, он стремительно терял силы.

– Постарайся... – бросил он мне напоследок перед тем, как в камеру ввалилась процессия во главе с лордом Савром.

– Лекарь Раске? – слащавым голосом заговорил «радушный» хозяин подземелий. – Похоже мой сын переусердствовал со своими процедурами. Мне безумно жаль, но мы так и не закончили с вами нашу беседу. И, уверяю вас, будьте вы поговорчивей, вас давно бы уже освободили.

Дорогие читатели!

Если вы познакомились с книгой, и она вызвала у вас эмоции, пожалуйста напишите об этом в комментариях.

Автору будет приятно общение с вами!

Пишите комментарии, ставьте лайки – это очень мотивирует на написание истории!

Я уж даже и не знала радоваться мне или страдать от того, что я не сумела сбежать с молодым лордом из этого логова умалишенных. Похоже то, что я осталась здесь, подарит мне возможность скорейшего избавления от уготованных мучений, в пик долгого пребывания в лапах заботливого палача и садиста. Никогда не думала, что приду к такому неутешительному выводу. Вошедшая вместе с падкими до кровавых игрищ зрителями, девица, сыгравшая роль моей служанки, имени которой я так и не удосужилась узнать, но это было не столь важно. Она возникла подле меня, как почуявший грешную душу верный пёс Гильтине, нервно почёсывая руку.

Это не показалось мне уже ни странным, ни ненормальным, потому что здесь все были сумасшедшими. Кто-то среди собравшихся чуть слышно поскуливал, кто-то бешено вращал глазами, у кого-то изо рта тянулась тонкая дорожка пены.

Нет.

Здесь все было отравлено миазмами запретных учений. От того люди, окружавшие меня, на глазах теряли свой человеческий облик, сбрасывая маски благолепия и вельможного достоинства.

Вот она – плата за поклонение Гильтине. Интересно, что сама богиня думала по этому поводу?

– А ты не так проста, как кажешься, – ядовитый голосок прислужницы попытался проникнуть в сознание и навести сумятицу в моих мыслях, – в тебе есть сила.

– Я выросла в Обители Живы, – усмехнулась я в ответ спёкшимися губами, – ты вообще хоть раз встречалась хоть с одной целительницей из Храма?

– Нет, – удрученно проговорила девица, слегка улыбнувшись, – в наши края такие не заглядывают.

Конечно не заглядывают – отсюда веет смертью и замогильным холодом на тысячи верст.

– Но ты наверняка окажешься вку-усной, если тебя съест! – от радости она аж в ладоши захлопала.

– Поперхнешься...

– Но молодой лорд всегда меня угощает после того, как наиграется! – она даже капризно скривила губки.

– Зузанна, не болтай лишнего! – вступил в нашу душевную беседу лорд Савр. – У тебя другая задача, так что перестань трепаться!

– Хорошо-хорошо! Но потом мне можно будет её скушать?

– Потом – решим. Не забывай, у Эдга на неё пока свои планы.

Эта Зузанна радостно закивала и схватила меня за волосы, приставив к горлу, у меня на глазах отросшие когти.

– Что – страшно? – поинтересовалась она у меня.

– Прямо, напугала до смерти! – сдавленно просипела я, не ободрять же своим страхом... не человека. – Запущенный случай, прислуга совсем не следит за ногтями, а грязи-то под ними небось!

Потому как Зузанна эта, человеком уже давно не была. Тот, кто дал ей возможность ещё жить после смерти, явно обладал большим талантом в некромантии. Великим, если можно так говорить про нечестивое учение. Осознавала ли сама девица, что являлась нежитью, сложно было судить, но явно она не страдала от этого. Упырица в человеческом обличье, обладала способностью усыплять жертву, перед тем как съесть, вот почему, когда мне перебирали волосы я уснула. Тогда, правда, меня никто есть не собирался, хотя распаренное в ароматной лохани тело – прямо первое блюдо, для такого существа. А сейчас запах батюшкиной крови ее сильно раззадоривал – она вела ноздрями, глаза, с заполнившими всю поверхность чёрными провалами зрачков, то и дело зыркали то в сторону хозяина, то на мою шею. Еще чуть-чуть, и она вопьется мне в глотку.

– Зачем ты сюда явился, лекарь? – зло спросил лорд Савр моего батюшку. – И лучше тебе быть красноречивее, иначе моя зверушка твоей дочурке располосует горло.

Когти нетерпеливой Зузанны впились мне в шею.

– Ай! – не удержалась я от восклицания. – Не усердствуй так!

– Что поделать? – прошипела мне в лицо упырица. – Это самый быстрый способ разговорить твоего папашу!

Их ждало жестокое разочарование. Подозреваю, что батюшка так рано не раскроется. Лужа вытекшей из собственной дочери крови, вряд ли станет для него поводом поболтать начистоту. Так что Зузанне придется попотеть, отделяя мою голову от плеч.

Уф! Ну и гадость же лезет в голову! Не самые радужный исход!

– Ми-лорд, – еле проговорил батюшка, – я право... не понимаю о чем идет речь...

У меня защемило сердце, как можно было так истязать человека? И сколько людей, провинившихся лишь тем, что им не посчастливилось заехать на земли Савра, сложило свои головы в этих подземельях.

– Ты жалок, лекарь! Говори, ты ведь специально притащил сюда девчонку с таким ценным даром – знал, что такая как она ценится на вес золота – настоящее сокровище среди прячущихся во тьме.

– Моя д-дочь до сих пор п-проживала в Обители... – лепетал испуганный лекарь Раске, – по достижении ею б-брачного возраста я решил з-забрать её, чтобы она помогала мне в работе... п-поверьте, милорд, я преследовал с-сугубо интересы семьи и своего наследия...

– Врешь! – взревел лорд Савр. – Ты думаешь, что один такой умный – явишься сюда и подсунешь мне свою девицу в качестве товара. Откуда ты унюхал про то, что мы ищем девушек?

– Но я... правда, ничего не понимаю...

– Ничего, говоришь? – боров схватил батюшку громадной пятернёй за лицо и стал орать на него. – А на тайных тропах Сауросского леса вы как оказались?

– Так заблудились же! – это уже я не выдержала, уж больно когти Зузанны сдавили шею, словно ножницы натянутую нить.

Очень извиняюсь за задержку в выкладке!

Поэтому еще поздно вечером выложу кусочек в качестве бонуса за ожидание!

– Заткнись! Тебе слово не давали...

– Подожди, Зузя, – жирный хряк почесал подбородок, самодовольно улыбаясь, меряя тяжелыми шагами каменный пол пыточной.

– Хозяин, не стоит...

Савр поднял жирный палец и ткнул им в воздух:

– В последний раз ты раскрыла пасть без моего дозволения, Зузя! – захрипел хозяин нежити и вновь повернулся к отцу. – Чего тут больше: наглости или глупости? Ты думал, что сюда явится сама Хозяйка, на зов чистой крови жертвы? Ты хотел поклониться ей в ноги, принеся в ценный дар свою дочурку, чтобы она благословила тебя, как нас? Глупец, какой же ты болван, если решил такой жалкой подачкой разжалобить Королеву...

Он подошел вплотную, приблизившись своей ухмыляющейся харей к окровавленной маске, бывшей когда-то лицом Сарфа.

– Хочешь знать, какую цену заплатил я в её подземных чертогах, чтобы получить могущество?

Не знаю, так ли уж хотелось батюшке знать правду, но, приняв его молчание за согласие, лорд Савр воодушевился.

– Я отдал ей душу, отринув свою человечность, а она мне дала силу, подарив такую мощь, о которой я мог только мечтать.

Вот тут стало очень интересно, даже когти Зузанны не мешали слушать столь захватывающий рассказ самодовольного идиота. Чью именно мощь получил лорд Савр даже гадать не приходилось. Он, поди, обернулся в кабанью шкуру, перелившись через пень. Старая, как мир, ворожба. Только вот кто-то же надоумил его на это. Убедил, что это его выбор, несущий лишь благо.

– На охоте, я сбил кабана, но тот, шельмец, вспорол меня, как мешок с зерном, – хозяин дома лелеял эти воспоминания, как своё сокровище, – оставалось мне совсем немного. Мучимый внутренним жаром, я чувствовал, как из меня вытекают последние остатки духа. Был я в ту пору еще молод, и жажда жизни была особенно велика. Вот тут-то и явилась она...

Я даже подалась вперед, что там говорить, даже Зузя и та отвлеклась – замороженно глядела на распалившегося борова, заслушавшись рассказом.

– Покровительница смерти. Та, которую предали и чьё имя стерли из вековых манускриптов. Гильтине во плоти. О, да! Она была прекрасна... незабываема в своей тьме и подарила мне вторую жизнь!

– Не человеком! – сама не ожидала, но слова сами неожиданно вырвались, будто бы губы мои и язык стали жить отдельной жизнью.

– Заткнись! – взревел лорд, кабанея на глазах. – Кто тебя спрашивает, холопка! Я только потом осознал, что до этого и не жил вовсе!

– А как же Зузя?! Ей вы тоже так рьяно желали вечной жизни?

– С Зузанной произошло несчастье, – кисло заметил лорд, слегка поумерив свой свинячий пыл. – Эдг перестарался!

– Но... она же ваша дочь! – я пришла в неопишуемый ужас. Не знаю, как там батюшка, а мне захотелось все здесь сравнять с землёй вместе с обитателями.

– И что? Мой сын не знал об этом, да и зачем ещё кому-то знать о грехах в наших семейных делах. К тому же, она с рождения была убогой, а заполучив силу сумеречницы, даже поумнела...

– Зачем... вам все это? – из моих глаз полились слезы. – Это так ужасно...

Тёплые струйки крови потекли мне на грудь, все же Зузанна перестаралась.

– Зузя, нет! – окрик хозяина остановил упырицу, её учащенное дыхание обжигало мне шею. – Она нам ещё пригодится для обряда.

– Видите ли, – обратился он к моему отцу. – Нам нужна достойная мать для будущих наследников. Моя невестка – это окончательно выжившая из ума, бесплодная, пыльная курица...

– Что же вы сосватали такую своему ненаглядному сынку? – в который раз уже убедилась – мой язык явно жил своею жизнью и ему не терпелось укоротить мою и без того недлинную жизнь.

– Потому что её матушка обещалась нам помочь в одном немаловажном деле! – довольно прохрюкал лорд.

– Леди Турла мать Этелы?!

– Конечно, моя дорогая! – зашелся от смеха лорд свин. – Лекарь, твоя дочь до такой степени наивна, что вызывает умиление. Из неё получится прекрасная жертва!

– К-какая? – собравшись с силами, подал голос батюшка.

– По воле повелительницы смерти, девчонка возляжет на алтарь и примет мучительную смерть. И чем дольше она будет умирать, тем выше будет благодать. Этела получит возможность зачать от моего сына наследника, а я от её матушки – деньги для своей повелительницы и безусловную власть на латгельских землях.

Мое сознание повисло над краем пустоты, когда я увидела, как в пляшущих отблесках факелов тень моего отца стала расплзаться по каменным плитам, просачиваясь в щели, прижимаясь к тёмным углам. Я захлебнулась собственным криком, впервые обрадовавшись, что мои связи так вовремя подвели меня.

– Ну, лекарь, теперь твой черёд рассказывать!

– Мне нечего рассказывать, – просипел батюшка обессиленным голосом, – ведь вы и так многое поведали. Только скажите, неужели Гильтине завладела телом человека?

Свин хмыкнул. А мечущаяся тень приблизилась ко мне.

– О, да! Моя повелительница обладает земной ипостасью, но очень скоро она воссоединится со своей истинной силой! И получит законную власть в подлунном мире. Ей только нужно питаться силой юных дев, как и нам всем...

Тень выросла из-за моего плеча и прошептала на ухо:

– Вот и пришла пора распуститься огненному цветку в твоём сердце, Гинта...

– Ты не должна ничего бояться! – заключил батюшка в конце своих пояснений.

А у меня в голове – полная каша. Всё, сказанное лордом Сарфом, едва прорывалось сквозь пелену тупого оцепенения. Зато страх заполнил всю душу до основания. Это раньше головокружительные авантюры казались чем-то невероятно интересным, познавательным, затерянным в мечтах и снах, но на деле для меня все оказалось слишком: слишком опасно, слишком грязно, слишком жестоко. Правда, мне за всю мою короткую жизнь хватило этого всего с гаком.

Эта поездка с отцом была последней надеждой на сближение. Именно последней.

Невозможно заставить камни говорить, лед пылать огнем, а реку течь в обратную сторону, так моего отца невозможно было заставить полюбить. Ну, или хотя бы, проникнуться симпатией. Для служителя Брексты не существует любви и привязанности вовсе. Что там нам на занятиях говорили? Любят лишь одну единственную? Я, наивная, решила, что Вардас меня любит, а он выполнял приказ и следовал долгу. Питала надежду, что хоть с батюшкой мы найдем общий язык, но всё тщетно. Сейчас я для него – всего лишь средство достижения цели.

Приятно ощущать себя такой незаменимой, не правда ли.

– И, Гинтаре, – отец снова посмотрел на меня так серьезно, что аж кровь в жилах застыла, – туда, куда мы попадем, будет не так, как в королевском замке.

– Что может быть хуже того, что случилось в столице? – я всё ещё наивно полагала, что исчезновение Люди – самое ужасное событие в жизни, гибель наставника вообще оставила незаживающую рану, поэтому при любом воспоминании об этом, душа выворачивалась наизнанку.

– Поверь, путешествие в Навь окажется увеселительной прогулкой, по сравнению с поездкой в Сауросскую провинцию.

Я так понимала, это он меня воодушевлял.

– Лорд Савр никогда не скрывал своих неприязненных взглядов в отношении королевской власти. Ещё при Крайстуте Савры побаивались открыто выступать, а после смерти Удвига

они сильно затаились, что стало наводить на подозрительные мысли, однако, они не участвовали тогда с мятежными лордами в восстании против молодого короля. Не провоцировали эльфийские власти на открытую конфронтацию. Поэтому долгое время было не до них.

– Мне вообще кажется, – задумчиво произнес бывший магистр, потирая бороду, – что та нелепость, представленная мятежом, была не более, чем отвлекающим маневром.

– От чего? – он редко со мной делился своими домыслами, а тут такой поток.

– От самого настоящего заговора, более продуманного и опасного – нежели кучка недобрых вельмож в компании изящных худосочных существ из другого мира.

Что ж никто властью этой никак не подавится? Не понимаю благоговения перед этими регалиями, от того и злюсь. Была бы самой худосочной герцогиней, наверняка бы сама в королевскую мантию зубами вцепилась, да так, что не отодрать.

– И запомни, – холодный тон отца отрезвлял не хуже куска льда за шиворотом, – чтобы ни случилось, даже если я погибну, о тебе будет кому позаботиться.

Ага, тут уж Легарт никуда не денется, а уж тётушки как рады будут доделать из меня леди окончательно.

Отец на меня странно посмотрел, пока я не сообразила, что по поводу кузена и тёток высказалась вслух.

– Извините, – потупила я взор, – на самом деле я не желаю вам смерти. Ни капельки.

Просто я не знаю, как мне реагировать на слова человека, приходящегося для меня отцом, но не имеющем никакой привязанности ни ко мне, ни к кому бы то ни было.

– У тебя есть дар, – просто и спокойно промолвил батюшка, – не забывай о нем и воспользуйся сразу же, как только придет время.

– А когда придет это время? – неуверенно спросила отца.

– Когда я дам знак!

Вот этот разговор и многие другие наши беседы во время путешествия, мне вспомнились неожиданно и абсолютно не к месту. А ведь память моя казалась далёким книжным шкафом с запертыми дверцами после дурманящего зелья и Зузаннинных чар.

Но больше всего меня напугала эта новая отцовская ипостась. Был ли он хоть когда-нибудь человеком?

Пламя, уснувшее во мне, заключенное в клетку сковывающего колдовства, неожиданно забилося где-то в груди. О, нет-нет! Только не это! Если полыхнет – сметет всё и всех на своем пути.

Надо сосредоточиться и пустить искру в руки, чтобы цепи раскалились и лопнули. Ну же! Я смогу... по крайней мере постараюсь.

Жар струями двинулся к плечам, а потом спустился, медленно двигаясь к запястьям, на которых были защелкнуты браслеты цепей. Боль невыносимая и жгучая... а я не замечаю никого и ничего вокруг от красного марева, что полыхнуло в глазах.

Вокруг меня загомонили и засуетились жадные до крови пленители, но все это было так не важно. Зузанна, с ошарашенным взором, пятилась назад, её рука, оцарапавшая кожу на моей шее, обгорела и осыпалась пеплом, тлея на глазах.

Лорд Савр с выпученными глазами, схватил за волосы батюшку и стал, что-то ему кричать.

Все вокруг проносилось словно во сне. Бесконечном кошмарном сне...

– Огонь, Гинтаре, это невероятная сила, – слова отца снова всплыли в памяти, как привязчивая песенка юного менестреля, – смертельная и опасная, но в то же время благородная и спасительная. Никто тебя не сможет одолеть, если ты научишься ею управлять. А, чтобы этому научиться, надо усмирить гнев в своем сердце, обуздать ярость и избавиться от ненависти, что отравляет душу.

– Но разве во мне столько тьмы? – даже стало не по себе от такой картины моего внутреннего мира.

– Конечно! Ведь я, как никто другой, чую твою горечь и печаль. Ты так и не смирилась с потерями в своей жизни.

– Вот так легко забыть всех тех, кого любила?! – на глаза, от растерянности, навернулись предательские слезы.

– Не забыть. Отпустить боль и смириться...

Цепи на запястьях жгли руки. Металл пощелкивал, как попавшие в воду раскалённые камушки.

Нет.

Собственный огонь не калечил, он пытался уничтожить оковы, что были последней преградой на моём пути к бегству, а вот стальные обручи причиняли мне нестерпимую муку, за желание стать, наконец, свободной.

– Ч-что... это такое?.. – Сарв метался жирным боровом по пыточной, в которой невозможно было дышать до этого, а теперь от запаха тлена и паленого мяса, стало и вовсе невыносимо. – К-кто т-ты такой?!

– Я тот, кто презирает таких ничтожеств, как ты, – тихо ответил Эмбро Сарф, – ибо вы не способны противостоять собственным прихотям и мириться с уготованной судьбой.

– Что?! Вы... вообще такое? – толстяк попятился к выходу, не обращая внимания на свою умирающую дочь.

– Ходящие в тени... мы всё видим, все слышим и говорим только тогда, когда потребуется. Ты мне сказал уже достаточно для того, чтобы тебя казнили здесь и сейчас.

– Нет! Нет! Не хочу... я!

– Ты приговорен именем короля Витгерда! Как видишь, никакая королева или повелительница не обжалует этот приговор.

Верёвка на его запястьях лопнула, позволяя беспрепятственно двигать руками и оружием в них. Эмбро выхватил меч из ножен бьющегося на полу

Пора было отсюда уходить. Цепи с рук Гинтаре не спешили срываться, травмируя тело девушки. Это было плохо. Он не учел её слабости и истощённости. Великий магистр братства Брексты – Эмбро Сарф, чего-то так и не понял в этой девочке – своей дочке.

– Это я виноват во всем! – губы его первого ученика дрожали в отблесках полыхающей крыши некогда величественного дома, а теперь пристанища зла и отступников. – Виноват в том, что доверился тогда тебе!

– Не кричи, – спокойно произнес великий магистр, – и без того плохо.

На руках Эмбро лежала обессиленная дочь, прикрытая плащом Легарта Браггитаса, который руководил в это время зачисткой поместья от прихвостней хозяйки смерти.

Глаза девушки открылись, одними губами она прошептала едва слышно:

– Опять я вс-се сделала н-не так...

– Нет, дочка, ты все сделала правильно.

Впервые, Эмбро Сарф был не уверен в том, был ли прав он сам.

Глава 6

– Ты-ы всё воспринимаешь слишком... – лорд Сарф приумолк, подбирая нужное слово, и эта незначительная пауза выдавала его волнение, если великий магистр вообще был способен на малейший душевный порыв, – слишком эмоционально, Майло.

– Я?! – руки канцлера непроизвольно сжались в кулаки, только сам лорд Вардас вряд ли вообще заметил этот. – Мое уважение и доверие к тебе, как к своему наставнику и покровителю, сыграло со мной злую шутку! Ты знал, что я не хочу... её оставлять, но заставил сделать выбор.

– Мы сейчас немного не об этом разговариваем, ты не находишь? – лорд Сарф налил себе вина и одним глотком осушил кубок.

Он и правда волновался. Впервые за столько лет Эмбро Сарф испытывал настоящие тревоги и сомнения, пусть не сопоставимые с каждодневными человеческими волнениями, но все же такие естественные и настоящие, что ощутил себя живым. Почти.

– Об этом, – Майло посмотрел на него прямо. В его глазах читалось негодование и немой укор, и от этого тоже было немного не по себе.

– Ты оградил её ото всех, – продолжал бичевать магистра лорд Вардас, – ладно от всего двора – это можно понять. Ты взял с меня слово, что я её оставлю, Брекста с тобой! Но даже Браггитасу ты и то не позволил с ней свидеться! Какого йодаса?! Зачем?

– Затем, что я не был уверен в твоём... отношении к ней! Да, именно не уверен. И дело не твоей корысти. Я знал, что ты был... привязан к Инге. Вполне возможно, что её дочь вызвала те же старые чувства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.